ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Среда, 10 февраля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 8 (644)

1837 1937

Рисунок А. ПАНОВА.

Слух пройдет обо мне по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык
И гордый внук Славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей Калмык.

А. Пушкин

...Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык...

За мене відголос пройде в Русі великій,
І нарече мене всяк сущий в ній язик.
І гордий внук слов'ян, і фін, і нині дикий
Тунгус, і друг степів калмик.

Перевод на украинский М. Рыльского

Слых пройдзе аба мне па ўсёй Русі вялікай.
І назаве мяне плямён бяскрайні лік,
І горды ўнук славян, і фін, і сёння дзікі
Тунгуз, і стэпаў друг калмык.

Перевод на белорусский А. Александровича.

Bajtaq ulь Resejdin elderinde
Ajtar meni əjgilep çurt tulinde:
Slaвan, Pen nəsili, taqь Tunqьs,
Dala dostь Qalmaq ta ɵz tilinde.

Перевод на казахский поэта-орденоносца С. Сейфуллина.

Ken Rustu qaptap ɵtɵr men çɵnyndɵ uqulup,
Qaqьr cɵldyn tilderinde bolup kep,
Fin, Slavijan, Tunquz, Qalmaq ecenderi tuulup,
Сьqarьşar danqьmdь, — ɵlbɵs ulu aqьn dep.

Перевод на киргизский Т. Шамшиева

ჩემი სახელით აივსება დიდი რუსეთი
ყოველი ერი შემინახავს დანახსოვრებით,
სლავთა მემკვიდრე და ფინელი, ტუნგუსელი
კალმიკი ტრამალველთა მცხოვრები.

Перевод на грузинский поэта-орденоносца П. Яшвили

Jajьlь sәsim tutar bu bәjyk Rusijәni.
Hәr tajfa ɵz dilində oqujar, әvәt mәni
Mәqrur slav nәvәsi, indiki vәhsi tuñquz
Fin, cɵllәr dostu qalmьq ɵtәcәk aqьz-aqьz.

Перевод азербайджанского поэта М. Рагима.

Համբավս իմ Ռուսիայում անծայրածիր՝ կտարածվի,
Ինձ կհիշի յուրաքանչյուր լեզու այնտեղ ապրող
Սլավոնի թոռը սեգ ու ֆիննը ու դեռ այսօր վայրի
Տունգուզը և կալմիկն բանեց սիրող.

Перевод на армянский поэта-орденоносца Н. Зарьяна

Әrәsәn ik nutqar
Mini nern tuurx
Әl віs keln әmtn
Mini ner duutx.

Oda zerlq tuñhus
Teeqin inq xәlьmq
Omqtә slavәnә aç
Ondin namaq sanx

Перевод на калмыцкий К. Манджиева

Bujuk rusijani coloqaв alur aвazam,
Undagi har вi ulus ham meni jad qilaçaq,
Maqrur slav вalası, fin ham вukun вearam,
Jurgan tonqiz, hatta daşti вir qalmaq.

Перевод на узбекский Шайх Зада

Zi nomam pur şavad sartosari Rusijaji a'zam,
Kunand inço zi har qavmu zabon bo man şinosoi,
Nizodi foxiri slavjanu millati fin ham,
Hamon tungusi aknun vahşiju kolmiki sahroi.

Перевод на таджикский поэта-орденоносца Г. Лахути

Сегодня исполнилось сто лет со дня смерти сына великого русского народа, гениального поэта, создателя русского литературного языка, родоначальника новой русской литературы—Александра Сергеевича Пушкина.

Народы Советского Союза, вместе со всем передовым, прогрессивным человечеством, восторженно чтут Пушкина—солнце поэзии, нашу славу и гордость. Пушкинские дни—радостный праздник социалистической культуры.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМ. I. №. 9. ФЕВРАЛЯ 10

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходить чрезъ каждые пять дней. **1830 ГОДЪ.** Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №, въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и россійской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), — 15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го, (во Вторникъ).

«Литературная газета», основанная ближайшим другом Пушкина, поэтом Дельвигом, издавалась в Петербурге с 1 января 1830 г. по 30 июня 1831 г. Выходила раз в пять дней. Пушкин был одним из ближайших сотрудников газеты и поместил в ней ряд критических статей и заметок, несколько стихотворений и два прозаических отрывка. В № 61 газеты было перепечатано четверостишие французского поэта Делавиня, посвященное памяти жертв Июльской революции. Шеф жандармов Бенкендорф увидел в этом открыто выраженное сочувствие и запретил Дельвигу продолжать издание.

Слава нашей родины

Сто лет назад от пули светского проходимца, ставленника реакции погиб гениальный русский поэт, один из наиболее выдающихся людей своего времени, родоначальник новой русской литературы и создатель русского литературного языка Александр Сергеевич Пушкин.

Дантес был лишь физическим исполнителем смертного приговора, который вынесен был Пушкину крепостническим режимом царской России, той реакционной кликой, которую гневным словом заклеймил Лермонтов: «свободы, гения и славы палачи». Палачи свободы, гения и славы, «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов» во главе с коронованным тираном — Николаем I осудили и затравили одного из лучших сынов века, свободолюбивого поэта, чей гений будет еще много столетий радостно волновать и вдохновлять человечество.

Гордый и независимый мыслитель, европейски образованный, волнуемый передовыми идеями своего века, Пушкин пронизал все свое творчество страстной мечтой о человеческом счастье, немыслимом без политической свободы, о гармоническом развитии личности, о радостной жизни людей на земле. Деспотический режим николаевской России, рабство миллионов людей, безжалостно угнетаемых помещиками, было ненавистно ему.

Увы! куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Неправедная власть, позорные законы, рабство, бичи и оковы — такой видел Пушкин николаевскую Россию, так характеризовал он крепостнический режим.

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Какая беспощадно-правдивая картина крепостной деревни! Основанный на рабском труде миллионов крепостнический строй, черная политическая реакция николаевского царствования, разгром декабристов в России и поражение революционных волнений первой половины 20-х годов в Европе, хамское торжество жандармов, реакционных министров и попов, злобная тупость представителей «высшего света», травивших всякое живое независимое мнение, — вот с чем постоянно сталкивался гениальный поэт, воспитанный идеями французских просветителей XVIII века, проникнутый материалистическими и безбожными воззрениями передовых людей своей эпохи. Надо было обладать немалым мужеством, чтобы в этих условиях противостоять мертвящему дыханию реакции. Пушкин обладал этим мужеством.

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея...

Друг декабристов, автор «Гавриилиады», произведения, особо ярко выражающего атеистические и материалистические взгляды Пушкина на жизнь, автор оды «Вольность», Пушкин никогда не склонялся перед тупой тиранией самодержавия

Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Не случайно снова и снова обращается он в своем творчестве к вопросам отношений между помещиками и крестьянством, изучая исторические материалы, присматриваясь к жизни крестьян во время своих скитаний по России. «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева» — свидетельства пристального внимания Пушкина к крестьянским революционным движениям. Наряду с этим, он интересуется положением рабочих в Англии, с жадным вниманием следит за революционной борьбой в Западной Европе: в Испании, Италии, Греции, во Франции и Германии.

Горячее сочувствие к угнетенным, пылкие мечты о свободе («Увижу ль, о, друзья, народ неугнетенный?»), открыто-отрицательное отношение к реакционному правительству и царю — все это делало Пушкина в глазах жандармов опасным преступником. Поэт прошел через целую полосу репрессий и преследований со стороны царского правительства, выдержал множество гонений и издевательств, подвергся травле со стороны реакционного и злобного «высшего общества» и был убит им.

Творчество Пушкина, насыщенное исторически-прогрессивными идеями, глубоким и плодотворным гуманизмом и свободолюбием, было творчеством писателя-реалиста. Впервые в русской литературе, жившей по канонам ложноклассицизма, а затем сентиментализма и романтизма, появилось реалистическое изображение действительности в ее сложном и противоречивом развитии. Впервые на широком полотне литературных произведений просто и ясно, с гениальным проникновением в сложность человеческих характеров, изображаются различные слои русского общества снизу доверху. Впервые в истории русской литературы правдивость и простота изображения действительности сочетается с критическим отношением к ней; впервые писатель, поэт является, как писал Белинский, «не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания».

Творчество Пушкина — великий рубеж в истории русской литературы, Пушкин — родоначальник новой русской литературы — литературы реалистической. Блестящая плеяда русских классиков — и первый среди них Гоголь — росла под могучим влиянием пушкинского гения, ему обязана русская классическая литература своим великолепным расцветом.

Родоначальник новой русской литературы, Пушкин был и создателем русского литературного языка. Переворот в области литературного языка, произведенный Пушкиным, был огромен и радикален. Он состоит не только в том, что Пушкин боролся за очищение литературного языка от иностранщины и церковно-славянских выражений; не только в борьбе Пушкина против книжности, шаблона и штампа. Пушкин реформировал русский литературный язык, утвердив в качестве его главной основы живой язык русского народа во всем его богатстве и разнообразии. Без преувеличения можно сказать, что Пушкин впервые в русской литературе заговорил настоящим, т. е. простым, ясным, народным русским языком. После Пушкина невозможен стал возврат к языку Державина, Карамзина и Жуковского. Огромная работа Пушкина по созданию литературного языка была проникнута стремлением творить для народа, быть близким и понятным широким народным массам. Борьбу за простоту и народность литературного языка Пушкин рассматривал, как борьбу за великую литературу, просвещающую и воспитывающую народ.

Задачей поэзии, литературы Пушкин считал служение своему народу. Он мечтал о том времени, когда поэзия станет достоянием всего народа, а не верхушки общества, когда поэт будет выразителем и руководителем народных масс. Он горячо любил свой народ, гордился его историческим прошлым, и это нашло свое выражение во всем его творчестве.

Пушкин — русский национальный поэт, превосходно знавший жизнь всех слоев русского общества, внимательно изучавший историю своего народа, неустанно припадавший в своей творческой работе к неисчерпаемому роднику народного творчества, к сокровищнице народного фольклора. Он — замечательный представитель великого русского народа, давшего мировой культуре целую плеяду талантливых ученых, писателей, политических деятелей.

Одухотворенный великими идеями борьбы за политическую и личную свободу, полный жизнерадостности и социального оптимизма, Пушкин был великим гуманистом, стремившимся к всечеловеческому счастью, к расцвету человеческой личности.

Конечно, Пушкин не понимал до конца, что всечеловеческого счастья можно добиться лишь путем революционного насилия, что высшим гуманизмом является беспощадное уничтожение всех препятствий, задерживающих движение передового прогрессивного человечества к справедливому общественному строю, к полноценному счастью народов. Но гуманизм Пушкина, его страстная жажда гармонической, счастливой жизни человечества близки и дороги нам, хорошо знающим исторические пути к всечеловеческому счастью, к коммунистическому обществу и беспощадно сметающим с лица земли всех изменников и предателей трудящегося человечества.

Пушкин близок и дорог нам своим страстным стремлением к политической свободе, к раскрепощению человечества от рабских пут, своими демократическими идеями и независимостью, своим огненным протестом против гнета во имя счастья всех людей. Мы чтим в нем замечательного художника-реалиста, чарующего огромной силой, простотой и свежестью стихов, прелестью живого народного языка.

Социализм, победивший в нашей стране, воплотил в реальную действительность пламенные мечты и надежды многих поколений борцов за освобождение угнетенного человечества. «Звезда пленительного счастья», в восход которой так страстно верил Пушкин, могуче сияет на нашем небосклоне. Политическая свобода, справедливый общественный строй, который только смутно рисовался великому поэту, завоеваны в тяжелой борьбе с врагами и записаны на незыблемых скрижалях сталинской Конституции СССР.

Творческий расцвет личности, торжество подлинного гуманизма обеспечены великими победами диктатуры рабочего класса под водительством партии Ленина—Сталина.

Свободный и счастливый советский народ радостно и благодарно овладевает наследством великого русского поэта, очищенным от фальсификаций и антинародных толкований буржуазного литературоведения. Пушкин стал в социалистической стране всенародно-любимым поэтом, несущим широким народным массам высокую радость просвещения и эстетического наслаждения.

Лучшие писатели социалистической литературы учатся у Пушкина простоте и народности поэтической речи, вдохновляются могуществом чувств и мыслей гениального поэта. Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи Маяковский своим поэтическим служением социалистическому народу, своей борьбой за народный язык в поэзии продолжил и развил творческое направление Пушкина.

Наследие Пушкина — неотделимая часть нашей культуры, высоко поднимающей свое знамя над мраком капиталистической ночи, над миром фашистского одичания и изуверства.

Юбилейные пушкинские дни — это праздник социалистической культуры, праздник свободной от капиталистического плена человеческой мысли. И голос живого Пушкина, певца свободы народа, могуче звучит на этом всенародном празднике:

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Б. МЕЙЛАХ

Создатель русского литературного языка

В годы общения с деятелями Южного общества декабристов Пушкин записал в одной из своих тетрадей: «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Горячей любовью к родине и непоколебимой верой в ее будущее проникнуты эти слова великого народного поэта, посвятившего всю свою жизнь героическому подвигу создания правдивой, направленной против самодержавно-крепостнического государства литературы и понятного народу языка. Революционный романтизм декабристов, сознательно жертвовавших жизнью для того, чтобы пробудить народ к активной политической жизни, был органически свойственен и Пушкину. На всем протяжении своей творческой деятельности он не забывал, что лишь будущие поколения свободного народа смогут оценить его труд революционного новатора.

Пушкину было в высокой степени свойственно понимание политической необходимости создания русского литературного языка на широкой народной основе. В одной из критических статей он прямо писал о том, что отсталость русского литературного языка от требований времени задерживает общественное развитие: «просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов..., но ученость, политика и философия еще по-русски не из'яснялись... Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** обороты для из'яснения понятий самых обыкновенных». Как мы видим, Пушкин здесь со всей ясностью обнажает необходимость **создавать** язык. В своем понимании задач литературного развития он был на уровне передовой общественной мысли своего времени, и упоминание имен Пестеля и М. Орлова в его заметке о языке далеко не случайно. Именно в декабристской и околодекабристской среде культивировался обостренный интерес к «созданию прозы» — «метафизического языка», — в частности, нашедший выражение в общении деятелей Южного ответвления тайного общества с Пушкиным и его другом — Вяземским. «Займись прозою, вот чего недостает у нас», — писал М. Орлов Вяземскому в 1821 г.: «Стихов уже довольно, особливо, что называется у французов Poésies légères. Пора предпринять образование словесности нашей в большом виде, в философическом смысле, строгими сочинениями или полезными переводами. Вот поприще, открытое перед тобой. Цензура не всегда будет препятствием»... Это, конечно, не было только личным мнением М. Орлова, а отражало определенные установки, рождавшиеся в литературных и политических спорах деятелей кишиневской группы Союза благоденствия. Прямым отражением этих установок является совпадающее с цитированным выше письмом М. Орлова следующее место из письма Пушкина к Вяземскому из кишиневской ссылки: «Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластья, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах, а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою сблизиться»...

Понимание необходимости преобразования языка как одной из важнейших задач революционного переворота нашло выражение и в «Русской правде» Пестеля: «Законы должны быть ясны, понятны, справедливы и просты. Ясность необходима для того, чтобы каждый гражданин мог их понимать и потом свои поступки с ними без дальних затруднений сообразовать. Для того должен непременно каждый закон таким образом быть написан, чтобы он никаких толков не требовал, никаких недоразумений не допускал и ни под каким видом в двояком смысле не мог быть принят». Это писалось Пестелем о языке государственных актов. Но требования «ясности», «понятности», перекликающиеся с многочисленными высказываниями Пушкина на эту тему, пред'являлись декабристами и к художественной литературе и были тесно связаны с защитой ими права художника говорить правду о современной им действительности.

В эпоху, когда процесс размежевания классов и политических направлений всячески тормозился феодально-крепостническим государством, сковывавшим даже слабые проявления общественной инициативы, литература должна была играть ведущую роль в оформлении революционной идеологии. Характерная для начала XIX века острота полемики по вопросам языка вполне понятна. Эта полемика выражала, с одной стороны, стремление антифеодальных группировок к демократизации государственного строя, а с другой — стремление консерваторов сохранить свои идеологические позиции. Некоторые исследователи и критики до сих пор продолжают утверждать, что борьба за демократизацию русского литературного языка нашла выражение в борьбе между Карамзиным и Шишковым. Между тем, несмотря на все противоречия, существовавшие между «старовером» Шишковым и автором знаменитой академической речи Карамзиным, оба они стремились, каждый своими методами, способствовать сохранению существовавшего социального порядка. Борьба между ними являлась своеобразным отражением борьбы различных фракций **внутри** консервативного лагеря. Для того этапа, на котором находилась реконструкция русского литературного языка в конце XVIII и в первые годы XIX века, «реформа» Карамзина сыграла свою положительную роль. Но с ростом освободительного движения и более интенсивным развитием борьбы классов, идеологическая ограниченность салонного карамзинского стиля стала нести охранительную функцию не в меньшей мере, чем литературно-лингвистическая платформа Шишкова. Проблема создания для различных слоев общества единого языка на народной основе выдвигала необходимость борьбы на два фронта — и против Шишкова, и против Карамзина.

Во главе этой борьбы и стал Пушкин. Враждебность его к позициям Шишкова общеизвестна, она проявилась еще в лицейских стихотворениях и нашла свое наиболее яркое выражение в незаконченных «Замечаниях на Песнь о Полку Игореве». Но все это не дает никаких оснований утверждать, что он отвергая лингвистические построения Шишкова, поддерживал языковые принципы Карамзина. Правда, по ряду причин он в спорах оставлял в стороне Карамзина. Но, настаивая, что «разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований», он выступал и критическими и художественными произведениями **против** карамзинского стиля, на конкретных примерах показывал необходимость бороться за точный, простой, ясный язык. Опираясь на критику изысканности языка Даламбером и Вольтером, Пушкин высмеивал карамзинистов, которые почитают «за низость из'яснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу детскими дополнениями и вялыми метафорами». Последовательная критика Пушкиным «робкой» и «жеманной» «французской поэзии» по существу направлена против творческих принципов сентиментализма. Отрицательная оценка им влияния на русский язык «французской словесности», влияния, особенно сказавшегося в произведениях Карамзина, вовсе не означала призыва к национальной ограниченности. Более того, Пушкин не раз отмечал необходимость освоения французской литературной речи в процессе образования русского литературного языка. «Когда нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии», — писал он: «дай бы ему бог когда нибудь образоваться на подобие французского ясного, точного языка прозы, т. е. языка мысли». Но самый подход Пушкина к освоению был иной, чем у Карамзина. Одобряя «ясность», «точность» французского языка — «языка мыслей», он в то же время боролся с той салонной русско-французской фразеологией «паркетных дам», в которой эти качества отсутствовали.

Основой создания русского литературного языка Пушкин считал язык народа. Эта ориентация Пушкина находилась в тесной связи с его трактовкой понятия «хорошего общества», под которым дворянские литераторы этого времени подразумевали высший свет. Высмеивая этих литераторов, он писал: «Нашим литераторам хочется нам доказать, что и они принадлежат к высшему свету..., что и им известны его законы; не лучше-ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать к хорошему обществу... Хорошие общества могут существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные». В соответствии с этим он резко выступал против утверждений, что грубые выражения определяют характер русского народного языка. Так, например, в черновой рукописи заметки о критиках «Полтавы», он писал: «Слова — **усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора** — казались критикам низкими, бурлацкими; признаюсь низкими словами я... почитаю те, которые полным образом выражают какие нибудь понятия, например, нализаться вместо **напиться пьяным** и т. п. Но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения — провинциальной чопорности, из боязни казаться простонародным, славянофилом и т. п.». Гениальный русский поэт не только в своей творческой практике следовал этим принципам, но полагал, что и молодые писатели должны последовать им, замечая: «Вслушайтесь в простонародные наречия, молодые писатели — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Читайте простонародные сказки, чтобы видеть свойства великого русского языка». Возражая против ограничения литературного языка рамками «письменной словесности», Пушкин в то же время указывал: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным, значит не знать языка». И здесь сказалась враждебность Пушкина к какому бы то ни было догматизму. В книжной словесности он ценил накопленный передовой русской литературой опыт создания языка и добивался синтеза его с «живыми источниками народного слова».

Так, в упорной борьбе с реакционными шишковистами, с салонной фразеологией Карамзина, с официозной дворянской общественностью, вырабатывал Пушкин гибкий и мощный литературный язык. Из сокровищ созданного Пушкиным языка передовые русские писатели выбирали и отточенные клинки, разившие врагов народа, и лирические образы, согретые любовью, дружбой, оптимизмом. Великая Пролетарская Революция сделала прекрасный русский язык дорогим всему прогрессивному человечеству, которое чтит сегодня память поэта, заплатившего жизнью за самоотверженное служение идеалам правды и социальной справедливости.

Ф. ЛЕВИН

Родоначальник великой русской литературы

Пушкиным в 1819 году написано «Возрождение»

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

На протяжении многих лет после смерти Пушкина пытались всевозможные реакционеры и либералы «чернить картину гения», фальсифицировали Пушкина, истолковывали его вкривь и вкось. В свете новых разысканных материалов, вроде записок Долгорукова, в свете работ подлинной марксистской критики «краски чуждые... спадают ветхой чешуей».

В 50-х годах прошлого века развитию новой русской литературы, обличительного критического реализма «гоголевского» направления, Дружинин, А. Григорьев пытались противопоставить «пушкинское» направление, как линию чистого искусства, линию эстетическую par exellence. Все было двинуто в ход: презрение Пушкина к светской «черни» дворянского общества перетолковывалось, как презрение к народу, «подите прочь — какое дело поэту мирному до вас!» изображалось как пренебрежение к живым общественным интересам.

«Артистичность» Пушкина противопоставлялась гражданскому «дидактическому» искусству Некрасова. Так происходило искажение подлинной преемственности в истории русской литературы от Пушкина через Гоголя к Некрасову и до Горького.

А между тем именно Пушкин дал образцы вольнолюбивой поэзии в «Вольности», «Noël», «Деревне», «Кинжале», эпиграммах. Пушкин выступил атеистом в «Гавриилиаде», Пушкин создал реалистические картины современной ему жизни в «Евгении Онегине» — этой «энциклопедии русской жизни» по выражению Белинского. Пушкин обратился к изображению маленького, униженного и бесправного человека в «Станционном смотрителе», обратился к народным массам, к народным движениям, интерес к которым виден в «Дубровском» и со всею силой выступает в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева», переименованной Николаем I в «Историю Пугачевского бунта».

Пушкин покончил с подражательностью русской литературы. Классицизм, сентиментализм, романтизм — все они сыграли свою роль в истории литературы, в распространении просвещения, но они не были оригинальными и самобытными, не были национальными ни по форме, ни по содержанию, а потому не могли приобрести и мирового значения, следуя за чужими образцами и не внося в концерт мировой литературы своей особой и неповторимой ноты.

Пушкин стал явлением мировой литературы именно потому, что он был глубоко оригинальным и самобытным национальным гением. Даже в великой комедии Грибоедова, великой пафосом обличения фамусовской Москвы и замечательным типизмом реалистических персонажей, даже в ней реалистическая правда порою грубо нарушается. Лиза, крепостная девушка Софьи, слишком похожа на субретку французской комедии. Фамусов иногда вдруг говорит языком Чацкого; в угоду единствам времени, места и действия Чацкий является «с корабля на бал» в 5 часов утра (!) с визитом в дом Фамусова после своего трехлетнего отсутствия. В «Евгении Онегине» реализм торжествует уже свою полную победу.

Можно ли противополагать пушкинскому реализму гоголевскую сатиру? В письме А. А. Бестужеву 12 марта 1825 года из Михайловского Пушкин писал: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона, сравниваешь ее с моею и требуешь от меня таковой же. Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помина нет в Евгении Онегине. У меня бы затрещала набережная, если бы коснулся я сатиры...»

Близкий друг декабристов, их соратник, Пушкин не мог дать волю своей сатире, зная, что «затрещала бы набережная», что такая сатира не увидела бы света.

Но он приветствовал гоголевскую сатиру, он лучше Гоголя понимал силу и значение его таланта, об'ективно революционный смысл этого изображения «пошлости жизни». Гоголь имел иные замыслы, он все обижался, что его не так понимают, говорил, что цели его иные, а на деле сила его сатиры громила основы самодержавно-полицейского строя, крепостнического общества. Пушкин же дал Гоголю сюжеты «Женитьбы», «Ревизора», «Мертвых душ». Пушкин политически и теоретически несравненно превосходил Гоголя и не был способен заблуждаться и обманываться насчет смысла последствий сатиры, которую он мог бы написать. Значение гоголевской сатиры Пушкин понял больше, чем сам Гоголь.

От Пушкина возникают и идут важнейшие линии развития новой русской литературы.

«Все мы вышли из «Шинели», — сказал Достоевский. Но сама «Шинель» вышла из «Станционного смотрителя». Смотритель обладает единственной радостью — дочкой Дуней. Акакий Акакиевич мельче, — его единственная радость — шинель. Он не только беден и жалок, но пошл. Но сюжет сходен. Шинель похищена, как похищена Дуня. В «Станционном смотрителе» впервые в литературе выступает трагедия маленького человека, который после Акакия Акакиевича появляется в «Бедных людях».

От «Евгения Онегина» идет галлерея «лишних людей», «кипящих в действии пустом». Печорин, Бельтов, Рудин, Лаврецкий. «Лишний человек» вырождается в Обломова, вчерне намеченного во второй части «Мертвых душ» в Тентетникове. Но обломовщину можно угадать во втором варианте судьбы Ленского, который «в деревне, счастлив и рогат, носил бы стеганый халат».

Стихи «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» дают такую картину крепостной деревни, ее нищеты, которая как будто написана Некрасовым. Ода «Вольность», «Деревня» и другие вольнолюбивые стихи, вместе с «Румяным критиком...» создают основу пафоса некрасовской поэзии, а «Послание в Сибирь» является зерном «Декабристок», появившихся, из-за цензурных препятствий, под названием «Русских женщин».

Пушкинский гуманизм, неотрывный от любви великого поэта к жизни и от его жажды счастья не для одного себя, а для всех, лишен всяких черт христианского смирения и всепрощения, непротивленческой беззубости и вегетарианского бессилия. В записках Долгорукова рассказано, что Пушкин не останавливался перед тем, чтобы вязать петли для помещичьих шей. А в «Дубровском» кузнец Архип поджигает приказных и удовлетворенно смотрит, как они горят, но лезет спасать кошку: «Божья тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — сердито говорит он мальчишкам. Приказные — не божьи твари, а враги, частица крепостнического деспотизма; гуманизм состоит в том, чтобы их уничтожать.

В истории русской литературы до такого маратовского понимания гуманизма подымались до и после Пушкина лишь немногие, самые передовые деятели освободительного движения.

«До Пушкина», — писал Белинский, — русская поэзия была не более, как понятливою и переимчивою ученицею европейской музы, — и потому все произведения русской поэзии до Пушкина как-то походили больше на этюды и копии, нежели на свободные произведения самобытного вдохновения».

«Но с Пушкиным русская поэзия из робкой ученицы явилась даровитым и опытным мастером».

Это верно, но это не все. Гениальный поэт обладал такой широтой кругозора, таким пониманием общественных проблем своей эпохи, что его поэзия и проза, его идеи и чувства явились источником, из которого последующая литература черпала животворящую силу. Она воспользовалась языком Пушкина, поэтическим и прозаическим, она последовала за ним в глубины жизни и быта всех слоев и классов страны, она стала освещать и решать поставленные им проблемы свободы, отношения личности и общества, проблемы исторического развития, она в лучших своих представителях унаследовала его реализм, простоту, народность, его ненависть к самодержавию, его жажду свободы и счастья для людей.

Пушкин основал русскую литературу, из его школы вышли Лермонтов, Гоголь, Толстой и Некрасов, Салтыков-Щедрин и Максим Горький. И Горький — великий писатель, завершивший собою плеяду великих реалистов досоциалистической эпохи и открывший собою эпоху новой литературы — литературы социалистического реализма, еще в 1907 году оценил подлинное значение Пушкина в замечательных словах: «...великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин» — автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов» — поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы».

Об ознаменовании 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

В ознаменование 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта **А. С. Пушкина** Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР **постановляет:**

1. Государственному музею изобразительных искусств **в Москве** присвоить имя **А. С. Пушкина.**
2. Переименовать ул. Большую Дмитровку в Москве в **Пушкинскую** улицу.
3. Нескучную набережную Москва-реки переименовать в **Пушкинскую** набережную.
4. Переименовать Останкино в Москве в **Пушкинское.**
5. Переименовать г. Детское Село в г. **Пушкин.**
6. Государственному Ленинградскому академическому театру драмы присвоить имя **А. С. Пушкина.**
7. Переименовать Биржевую площадь в г. Ленинграде в **Пушкинскую** площадь.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР — М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР — И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль. 9 февраля 1937 г.

Я желаю, чтобы распространилась его слава

Я понимаю очень хорошо важность юбилея вашего великого поэта, я присоединяюсь всем сердцем ко всему тому, что будет сделано, чтобы его отпраздновать, я желаю, чтобы распространилась его слава и его произведения, наконец, чтобы развивалась среди всех масс СССР любовь к искусству и культуре.

РОМЭН РОЛЛАН

(Из письма президенту Академии наук Белоруссии)

...неподкупный голос мой
был эхо русского народа.

А. Пушкин

литературная газета

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

К. ФЕДИН

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПУШКИН

Пушкин был главным, обильнейшим потоком русской реалистической литературы XIX века, давшим ей направление и полноту мощи. Он присутствует и в нашей поэзии, русской советской литературе, которая возникла на величайшей социальной революции Октября. Наша литература проверяет себя на Пушкине жизненно и художественно, корректирует свой труд Пушкиным. Создатель языка, Пушкин «истинной его жизнью» считал мысль. И мы помним и разделяем это. «Точность и краткость— вот первые достоинства прозы, она требует мыслей и мыслей; блестящие выражения ни к чему не служат»,— писал Пушкин. И мы стремимся никогда не забывать его завета.

После Пролетарской революции, рожденный ею и возросший до десятков миллионов советский читатель свободно наслаждается гением Пушкина. С каждым годом все больше новых — молодых и старых — рук тянется изо всех концов великого Союза народов за книгой с этим прекрасным, по слову Александра Блока, — веселым именем. Как в любимом существе, народ ищет в Пушкине самые лучшие, самые заветные свои черты — свободолюбие, ненависть к рабству, жизнерадостность, поэтичность, то-есть любовь к песне и сказке. И еще никто не обманывался в Пушкине. Он всегда мужественен, прозрачен, неисчерпаем в своем блеске ума и богатстве сердца.

Мы горды тем, что Пушкин принадлежит народу. Эти слова теперь наполнены правдой, потому что революция явилась живой водой для народа и вместе с грамотой дала ему все сокровища его истории. Глядя в свое прошлое без всяких повязок на глазах, счастливые, что в нем возвышается такая вершина, как Пушкин, мы видим также всех виновников его трагического конца. Гибель Пушкина — один из самых потрясающих обвинительных актов, пред'явленных историей царизму. Когда преступление уже совершилось, и Пушкин был мертв, царское правительство не отступило перед поношением на его память. Россия должна была бы возвести Пушкину гробницу в пантеоне величайших своих людей; а гроб с телом поэта «скакал» без остановок, украдкой, в глухую деревню, подальше от славы и почестей народа. Этого оскорбления народного чувства к мировому поэту новый хозяин мира — «младое племя» нашей великой страны — никогда не позабудет и никогда не простит.

Это племя предает позору и презрению всех, кто виновен в смерти Пушкина. И это племя восклицает: да здравствует бессмертный Пушкин!

С. МАРШАК

Право на высокое искусство

Не помню, когда впервые я услышал и произнес имя Пушкина.

В том раннем возрасте, когда художественное слово мгновенно вызывает у нас живое, чуть ли не осязаемое представление, мы читаем «Руслана» и «Кавказского пленника», «Царя Салтана» и «Сказку о рыбаке и рыбке». Кажется, что при первом знакомстве с этими стихами мы не читаем их, а видим сквозь них, видим сквозь прозрачное пушкинское слово некую сказочную и поэтическую реальность. И потом надолго сохраняем мы четкое, зрительное воспоминание о плывущей по морю бочке, в которую заключены княгиня и Гвидон с матерью, о тридцати трех богатырях, выходящих из морской пены, о коте ученом, который ходит по золотой цепи.

Мы впервые раскрываем «Евгения Онегина», «Русалку», «Моцарта и Сальери», еще не пережив тех сложных чувств, которыми проникнуты эти вещи. И все же мы понимаем, что говорит Пушкин. Мы жалеем дочь мельника — русалку, мы влюбляемся в Моцарта, а значит — в искусство.

Иной раз перечитываешь в зрелые годы какую-нибудь из поэм Пушкина или один из его драматических отрывков и с удивлением думаешь: неужели весь «Моцарт и Сальери» укладывается на девяти страничках, а «Медный всадник» — на четырнадцати? Читая эти вещи в юности, мы еще не умели ценить их благородную лаконичность и потому не обратили внимания на то, как мало места они занимают. А ведь каждая из этих вещей давала нам новые представления о мире, о больших человеческих чувствах, об истории, об искусстве.

Да, трудно даже сказать, как много дает каждому из нас Пушкин. Мы узнаем его тогда, когда нам еще не с кем его сравнивать. Незаметно для нас самих он приобщает нас к мировой поэзии, к Гомеру и Данте, к Шекспиру и народной сказке. Он создает наш вкус и помогает нам отличать простое и величавое от выспреннего, ходульного и фальшивого.

Мы чуть ли не с детства начинаем понимать, что сила Пушкина заключается не только в совершенстве его стихов и прозы, но и в том, что он остается для нас не книгой, а живым человеком, которого мы как-то узнаем по голосу, по смеху, по характеру почерка. Мы с неутолимым интересом читаем все воспоминания о нем, с жадностью разглядываем его автографы и рисунки на полях.

Каждая эпоха, каждое поколение по-своему оценивает Пушкина.

Сейчас перед его памятником проходит — подобно колоннам, идущим по Красной площади — наша советская эпоха.

Мы получили поэтическое наследство Пушкина, испещренное штемпелями и печатями царской цензуры, а передадим его будущему таким, каким оно вышло из-под пера поэта. Мы восстановили вычеркнутые и сохранившиеся только в черновиках (а иной раз даже в шифре) строки, строфы и целые главы его поэм.

Мы посвятили много сил и трудов изучению жизни Пушкина, изучению его среды и эпохи.

Никогда еще Пушкин не видел вокруг себя такого числа почитателей, какое он увидит в февральские дни 1937 года.

Поклониться ему придут на этот раз миллионы людей.

Их привела к Пушкину великая революция, которая освободила народы нашей страны и дала им право на высокое искусство.

ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ ЛЕНИНА

Пушкин был любимым поэтом Владимира Ильича Ленина. Еще в 1900 году в письме из Мюнхена своей матери М. А. Ульяновой он пишет: «В каком положении Манино *) дело? Кстати, забыл передать ей, что Пушкина получил — очень благодарю»...

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская рассказывает: «Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина». Надежда Константиновна об этом говорит не раз.

В одном из писем Марии Александровне Ульяновой Надежда Константиновна пишет в 1913 году из Кракова: «Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики... Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем об'явления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр.пр.» Обратившись в 1918 году к В. Богушевскому с просьбой достать ей для Владимира Ильича что-нибудь почитать, Н. Крупская подчеркивала, что Ленин «особенно любит Пушкина и Беранже».

*) Мария Ильинична Ульянова.

А. С. Пушкин — Рисунок В. Тропинина (1827 г.)

А. ФАДЕЕВ

Светлый разум

Я думаю, не будет претенциозностью сказать, что я всю жизнь любил Пушкина, — тем более, если я оговорюсь, что большую часть своей жизни я любил Пушкина не полностью, т. е. не настоящего, и любил его в достаточной мере неосмысленно.

Писателей-моралистов, то есть писателей, рассматривающих мысли, дела и чувства людей с точки зрения «хорошего» или «дурного», таких писателей, как Диккенс, Толстой (а немного позже для меня и Стендаль), я научился понимать довольно рано, и особенно тогда, когда мне стало уже доступно историческое социальное понимание моральных вопросов. А Пушкин, несмотря на кажущуюся его простоту, долгое время был для меня недоступен.

В детстве, например, я очень любил сказки Пушкина, но я любил их просто за то, что это хорошие детские сказки. В отрочестве я увлекался «Полтавой», «Капитанской дочкой», «Дубровским» и отчасти «Борисом Годуновым», но, как я теперь понимаю, увлекался только элементами героического в них. В юности мне открылся «Евгений Онегин» и **на всю жизнь стал для меня одним** из самых любимых произведений мировой литературы. Но, как я теперь понимаю, «Евгений Онегин» пленил меня тем же, чем пленяли произведения Толстого: здесь мысли, дела и чувства людей так же рассматриваются с точки зрения «хорошего» и «дурного».

Позже всего открылась мне лирика Пушкина. Она помогла мне по-новому осмыслить и все его творчество, хотя, конечно, я не настолько стар, чтобы утверждать, что постиг Пушкина до конца.

Что же пленило меня в лирике Пушкина? Это — полная свобода, естественность выражения всех человеческих эмоций, всего многообразия мыслей и чувств человека и утверждение их, этих чувств и мыслей, как совершенно естественных, закономерных и правомерных проявлений человеческого духа. Пушкин мало анализирует — хорошо это переживание или дурно. Даже когда его грызет раскаяние, он не «смывает печальных строк». Он утверждает все как ценное и законное. Характерно, что Толстой, любимым стихотворением которого было «Воспоминание» (я использую здесь еще неопубликованную работу т. Дурылина «Чтецы Пушкина»,— пусть он извинит меня), читал последнюю строку так:

Но строк **постыдных** не смываю...

Между тем у Пушкина сказано «печальных». Потому что само раскаяние, даже отвращение к прошлому было для Пушкина важно как естественное, человеческое переживание. Этого было достаточно для того, чтобы поделиться им с человечеством.

Однако на свете много мелкого и суетного. Почему же Пушкин, безбоязненно выражая все, никогда не был в лирике своей мелким и суетным? Все дело в том, что пережитое выступает у Пушкина очищенное и поднятое на высоту очень ясным и светлым разумом. Трудно найти другого поэта, настолько лишенного **рассудочности.**

Наоборот, **все сохраняет у него форму непосредственного** переживания. **Но это всегда — переживание, осознанное и очищенное очень ясным, светлым большим разумом.** Поэтому поэзия Пушкина исключительно целомудренна. Но еще важнее то, что переживания Пушкина, пройдя сквозь это горнило, приобретают качество **общности** для людей даже других классов и других поколений. Иные из чувств, выраженных Пушкиным, **только** мы, творцы коммунистического общества, в состоянии понять и утвердить на земле.

Большой, ясный и светлый разум Пушкина сочетался с подлинной народностью. Эта народность не ограничивалась знанием народного языка. Нет, Пушкин был в полном смысле слова национальным поэтом, т. е. таким поэтом, корни которого уходят в глубокую толщу народа данной национальности. Именно как поэт, поднявшийся на высочайшую ступень национального самосознания, он и вышел за пределы одной нации. И это ощущение и сознание давало ему силу говорить обо всем, что он переживал, говорить во весь голос.

Если учесть к тому же, что Пушкин был человек европейски образованный и знал мировую поэзию, то моя мысль станет еще более понятной: Пушкин не был национально ограниченным, и за его строками стояла часто несознаваемая им сила своего народа.

Может быть, яснее всего он осознал ее в стихах:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Замечательно то, что предсказание Пушкина в этих стихах осуществилось. Чему же удивляться, что свои переживания Пушкин считал достойными обнародования, как драгоценные сами по себе? Он имел **право** на это.

Гораздо удивительнее, что многие из нас, современных литераторов, в своих неудачах склонны обвинять кого угодно, но только не самих себя. А между тем время наше дает возможности гораздо большие, чем те, какие были предоставлены Пушкину.

Не ясно ли всякому, что (простите за грубость!) недостаток ума и отсутствие хотя бы самых мелких корешков в своем народе, именно это не дает многим из современных литераторов не только поднять свои переживания на высоту общенародных, но даже решиться их правдиво выявить. Переживания важны только тогда, когда они являются общенародной ценностью. В противном случае они только доставляют неприятности автору и его хорошим знакомым.

На лирической палитре Пушкина свободно умещались большие общественные, политические страсти и самые интимные и тонкие личные переживания.

И никогда нет ощущения, что это создано разными людьми: всегда это — он, великий цельный Пушкин.

В. ГЕРАСИМОВА

ПУШКИН ПИСАЛ ПРОСТО

«Точность и краткость— вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей, без них блестящие выражения ни к чему не служат».

А. ПУШКИН.

Сейчас, когда имя Пушкина окружено множеством разнообразнейших прилагательных, хочется отметить и это, как будто «простое», обстоятельство: он писал просто.

Удивительно живуча склонность простоту художника, точность, сжатость принимать за его бедность, и, напротив, художественное косноязычие, ложное глубокомыслие невнятной речи или в поте лица сконструированные метафоры — за подлинное проявление несметного художественного богатства.

«Кирджали был родом булгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего имени его я не знаю», — начинает рассказ Пушкин. Или:

«Чарский был один из коренных жителей Петербурга».

Или: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом; прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами», — начинает Пушкин свою гениальную повесть «Пиковая дама».

И **так** разрешал себе писать Пушкин в ту пору, когда извергались романтически-выспренние стенания Марлинского, когда оглушительно гремел фальшивый и пустой голос Озерова, или процветал нравоописательный язык «лубочной» прозы, выдаваемый за подлинно народный.

Не потому ли Пушкин, именно как **прозаик**, был менее всего оценен современниками?

Об'ясняя причину недостаточного успеха Баратынского у критики, Пушкин сам дает ответ на это.

«Не от того ли, что верность **ума**, чувства, **точность** выражений, вкус, **ясность** и стройность менее действуют на толпу, чем преувеличение модной поэзии?»

Ум, точность выражений, ясность, стройность, — вот что труднее всего **заметить** Булгариным, Гречам и К°.

Но, последовательно борясь за подлинную простоту в искусстве, Пушкин оговаривал, что никоим образом не следует смешивать, как он выражался, **«просторечие с простомыслием».** Эти вещи глубоко различны. Точный, ясный, отчетливый язык пушкинской прозы являлся прежде всего послушным и гибким орудием его **глубокомыслия.**

Это ничего, что небольшая повесть как будто сухо и протокольно начинается с описания вечера после карточной игры у конногвардейца Нарумова, — дальше все тот же отчетливый голос ввергнет вас в ад страстей бунтующего индивидуализма инженера Германа; это ничего, что повесть о простодушном станционном смотрителе начинается с полуулыбки: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?» — дальше этот скучный, этот смиренный станционный смотритель Самсон Вырин вырастает в фигуру, которой суждено будет иметь долгий век в русской литературе, воскреснув и в поруганном Акакии Акакиевиче и в кротком Макаре Девушкине.

Видимое спокойствие, точность фразы, доказывающая полное и неизменное самообладание Пушкина, есть лучший залог того, что подлинное кипение его чувств, подлинная напряженность его мысли, самым верным, самым впечатляющим образом дойдет до читателя.

И эту творческую, но насыщенную мыслью и эмоцией, трезвость приветствовал Пушкин: «Критик смешивает вдохновение с восторгом. Нет, решительно нет, — **Восторг** исключает **спокойствие** — необходимое условие **прекрасного.** Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно не в силе произвести истинное великое совершенство».

Этот человек с огненным темпераментом, с неукротимой мыслью нередко признавался представителями «восторгов» малоэмоциональным, бездушным, сухим писателем.

Великий Стендаль, великий мастер стиля, того самого, незамечаемого многими стиля, который состоит в отчетливом, ясном, простом способе выражения при глубине мышления и силе эмоции, наиболее родственный Пушкину прозаик, разделял ту же участь.

— «Я испытывал отвращение к «скакуну» вместо «лошади», я называл это лицемерием», — об'яснял он причину неуспеха своей прозы.

Торжеством ясности, точности, сжатости является проза Пушкина. И все же именно у него **«на красных лапках гусь тяжелый»**, у него мальчишки **«коньками звучно режут лед»**, у него **«младой и свежий поцелуй»**, у него **«стакан шипит»**, у него **«кибитка удалая»**, у него **«людская молвь и конский топ»**, — весь этот яркий мир метафор, смелых словообразований, которые, не противореча смыслу и точности, усиливали их, чувственно закрепляли, наполняли дыханием конкретности.

Правда, это не были бесплодные, вымученные, кабинетные мудрствования; недаром Пушкин, обосновывая свои новшества, ссылался на речь «народную», которая служила для него неисчерпаемым творческим источником. Однако при яркости и богатстве языка, при неограниченной возможности пользоваться блеском и игрой слов, не в «словотворчестве», как таковом, видел Пушкин подлинную смелость, подлинные дерзания художника.

В заметке «Есть различная смелость» Пушкин так определяет подлинную творческую смелость:

«Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней...

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост.

Et baiser avec respect le pavé de tes temples [1]. И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache [2]. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике! Жалка участь поэтов (какого-б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса! Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный об'емлется творческою мыслию— такова смелость Шекспира, Dante Milton, Гете в **Фаусте,** Молиера в **Тартюфе».**

Гигант **художественной** мощи, Пушкин не был крохоборчески-мелочным борцом с «предрассудками вкуса» Он считал «жалкой» участь поэтов, которые славились только подобными победами. Он был ярчайшим выразителем той «высшей смелости», где обширные замыслы, планы «об'емлются творческой мыслью», где смыслу, идейной глубине и смелости отведена решающая роль.

Именно произведения такого порядка могут позволить себе роскошь быть свободными от ужимок и ухищрений, от назойливой претенциозности, от всех форм лицемерия «презренной словесности».

Именно произведения подлинной художественной мощи могут позволить себе роскошь быть **просто** и ясно выраженными, ибо им не грозит участь того короля, который на проверке оказался просто голым!

Эпоха социализма чтит Пушкина и как страстного борца с деспотизмом, тиранией, удушливым невежеством царской России, и как величайшего мастера художественной формы, прародителя великолепного русского реализма от Гоголя, Толстого до Чехова и Горького. Эпоха социализма вознесла его как знамя **своего** искусства.

И это закономерно.

В стране огромной социальной правды, в стране, где уничтожено вековое общественное лицемерие, в стране, где искусство общенародно, а следовательно должно быть и **общепонятно,** в стране, где восторжествовало научное, целостное и глубочайшее мировоззрение, в стране, где пришел конец краснобайству, надутой фразе, мистификаторскому глубокомыслию, эстетскому крохоборчеству и грубой лубочности, выдаваемой за народный язык, — законно и радостно торжествует глубокий и ясный гений Александра Пушкина.

[1] И благоговейно лобызать помосты твоих храмов.
[2] Корова.

И. ЛУППОЛ

Мнимые и действительные наследники Пушкина

Пушкин, давший в своих произведениях художественную «энциклопедию русской жизни», после смерти своей оказался пред лицом истории, которая только в октябре 1917 года рассудила, наконец, долговечную тяжбу о судьбах этой русской жизни.

После смерти Пушкина появились, однако, претенденты, которые вместе с иском на будущее России претендовали и на ее художественную энциклопедию, на творческое наследство Пушкина. Иначе и не могло быть: судьбы пушкинского наследства теснейшим образом сплелись с судьбами России.

Борьба за пушкинское наследство началась еще между западниками и славянофилами, но наибольшей силы и выразительности, до выхода единственного исторически законного судьи — российского революционного рабочего класса, — эта тяжба достигла в 1880 году, в дни открытия в Москве памятника Пушкину.

В этой связи две произнесенные тогда речи не могут не приковать ныне нашего внимания, а именно речи Тургенева и Достоевского. Оба они, отправляясь от Белинского, а правильнее сказать, еще от молодого Гоголя, утверждали за Пушкиным звание первого русского национального художника-поэта и создателя русского литературного языка. Однако оба при этом руководствовались различными установками и приходили к различным выводам.

Для Тургенева Пушкин воплотил в своем искусстве душу, суть русского народа. Эту душу, как впрочем и душу каждого народа, составляют два начала — восприимчивость и самодеятельность. Русская же, а стало быть и пушкинская душа, по Тургеневу, характеризуется **двойственностью;** «восприимчивость ее двойственна — и на собственную жизнь и на жизнь других западных народов со всеми ее богатствами и подчас горькими для нас плодами»; самодеятельность ее, неравномерная, порывистая, иногда зато гениальная, также двойственна: «ей приходится бороться и с чуждым усложнением и с собственными противоречиями».

Тургенев характеризует самодеятельность Пушкина как **свободное творчество.**

Это звучит парадоксально, но «свободное творчество» выглядит у Тургенева, как **свобода от народа.** Мы не в состоянии разделять мнения тех,— говорил Тургенев, — которые утверждают, что русский литературный язык нам «даст один простой народ вместе с другими спасительными учреждениями». Тургенев предвидит возражения: «если поэт в своих трудах не будет постоянно иметь в виду, иметь целью родной народ, он никогда не станет его поэтом: народ, простой народ его читать не будет». Но это мало смущает Тургенева, и, верный своей концепции, он продолжает: «но, милостивые государи, какой же великий поэт читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гете, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира. Их читает их нация. Всякое искусство есть возведение жизни в идеал: стоящие на почве обычной, ежедневной жизни остаются ниже того уровня».

Вывод ясен: нация не совпадает с народом, нация выше народа, нация — верхушка народа, национальное вытесняет народное. Свобода — в творчестве; творчество должно быть свободно от народа. Народ — это косная масса, погрязшая в обычной, ежедневной жизни. Народ не читает Гете, Мольера, Шекспира, Пушкина, потому что ему недоступен художественный уровень, идеал искусства. Это естественно, нормально, так было, **так будет...**

Вот подлинная точка зрения тех либералов, которые считали, что Пушкин принадлежит им, и что они поведут за собой народ, народную массу, всю Россию по цивилизованному, западноевропейскому, сиречь буржуазно-капиталистическому пути. Нужды нет, что при таком исходе народ попрежнему не будет читать Пушкина, ведь и на Западе народ не читает Мольера, Гете, Шекспира.

Достоевский видел этот отрыв тургеневской «нации» от народа. На своем языке он называл это отрывом общества от народа, от народной силы, и в том, что общество поставило себя выше народа, видел глубоко ненормальное явление. С его точки зрения, Пушкин первый отметил эту болезнь в лице Алеко из «Цыган» и в «Евгении Онегине».

Современные Достоевскому Алеко, видите ли, если и «не ходят уже в наше время в цыганские таборы.., то все равно ударяются в социализм»! И вот, по Достоевскому, Пушкин указал от этой «болезни» целебный источник в правде народной; Пушкин дал художественный тип красоты русской, почерпнув его в народном духе. То, что Тургенев называет восприимчивостью, Достоевский именует всемирной отзывчивостью и видит ее положительное содержание во всепримирении. Это всепримирение и есть русская «правда народная» и первый к ней шаг — смирение: «Смирись, гордый человек, и прежде всего смири свою гордость... Победишь себя, усмиришь себя и станешь свободен, как никогда и не воображал себе».

Вывод Достоевского не менее ясен: общество не совпадает с народом, общество поставило себя выше народа. **И это неестественно, ненормально.** Так было, но так не должно быть.

Народ — правдоносец, смиренномудрец, смирение и всепримирение есть правда народная. Нужно принять эту правду, смирить, сломить себя, — в этом свобода. Вот подлинная точка зрения тех «народолюбивых» реакционеров, которые утверждали, что Пушкин принадлежит им, и что они поведут за собой народ, народную массу, всю Россию по «кондовому», самобытному, сиречь все тому же буржуазно-кулацкому пути. Нужды нет, что при таком исходе простой народ попрежнему будет гол и нищ, ведь нашу нищую землю «в рабском виде... исходил, благословляя» Христос.

В конечном счете, при различном обосновании, как видим, и Тургенев и Достоевский не так уж далеки друг от друга. Первый не допускает и мысли, что от «простого народа» придут «спасительные учреждения», второй считает социализм болезнью и нацело исключает его из души русского народа.

Вместо того, чтобы искать и добиваться действительной свободы в реальных общественных отношениях, первый переносит свободу в творчество, второй — во внутренний мир человека, оставляя в самом обществе все по-старому. Но главное, что их об'ективно соединяет, — их общая **историческая неправда.**

В 1880 году при открытии памятника спор о наследстве Пушкина шел без участия его единственного законного наследника. Тяжба о судьбах России велась за спиной подлинного исторического судьи. Вопрос о свободе решался в отсутствии гегемона освободительного движения. Обе стороны, мнившие себя знатоками духа русского народа, этого народа не знали. Одни полагали душу его в вечной восприимчивости и косности, другие — в смиренномудрии и терпении, а она оказалась в вольнолюбии и революционности, что понимал уже великий русский поэт Пушкин. Достаточно вспомнить перечисление Пушкиным тех, кто шел за Пугачевым: русские господские крестьяне, заводские крестьяне, казаки, татары, башкиры, калмыки, и наконец, как обобщение: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Таким образом, непрошенные пестуны народной души просчитались.

Окрепший рабочий класс, плоть от плоти и кровь от крови трудового народа, лучше их знал душу русского народа, ибо она была и его душой. Он воспитал эту душу, закалил ее в длительной и упорной борьбе с буржуазно-помещичьим строем, поднял трудовые массы народа против его вековечных врагов и увлек за собой в последней борьбе против помещиков, капиталистов, кулаков.

Под руководством большевистской партии его тунеядцев свергнуто навсегда, нерушимые узы братства связали свободные советские народы, и вот уже не нужно трех слов — народ, нация, общество, **они едины в социализме.**

Пути России оказались и путями пушкинского наследства. Вопреки Тургеневу, народ во главе с рабочим классом дал стране спасительные учреждения; вопреки Достоевскому, в социализме народ нашел свою и внешнюю и внутреннюю свободу. И если раньше, загнанный на задворки культурной жизни, лишенный элементарных средств просвещения трудовой народ был отторгнут от своего поэта и не читал Пушкина, как в Германии он не читает Гете, то ныне **в эпоху сталинской Конституции, он обрел навсегда своего великого певца.**

В эти торжественные дни нет в Советском Союзе ни одного завода, ни одного колхоза, ни одной красноармейской части, ни одной школы, в которых не звучало бы и не отдавалось бы могучим эхом в сердцах всех советских народов слово Пушкина.

Душа Пушкина в заветной лире пережила его прах и убежала тленья, ибо была народной душой, и к нерукотворному памятнику Пушкина нас привела народная тропа социализма.

Достоевский говорил, что «нищая и неурядная земля наша», «может быть, в конце концов скажет новое слово миру», укажет «исход европейской тоске в своей русской душе» и это-де уже было заключено в художественном гении смиренномудрия Пушкина.

Да, земля наша говорит уже новое слово миру, она указывает исход европейской тоске, но не «нищая и неурядная» земля Достоевского, а богатая, изобильная, крепкая телом и духом **советская земля,** и указывает она исход европейской тоске не христианским путем Достоевского и молитвенным призывом «смирись», а сталинской Конституцией и бодрым кличем **«гордись, гордись, трудящийся человек, познай свое достоинство».**

Этой гордости человека, этому познанию своего достоинства учил нас на заре нашей литературы великий Пушкин.

Этой чести, этой доблести, славе и геройству социалистического труда, в котором вся наша человеческая гордость и все наше человеческое достоинство, в горниле Великой социалистической революции научил нас великий Сталин.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

«Невский проспект». Фрагмент панорамы худ. Садовникова (1835 г.). С оригинала. Воспроизводится впервые. Из собрания Н. Смирнова-Сокольского.

И. РОЗАНОВ

Современники поэта

I.

В истории русской поэзии не было поэта, чье поэтическое творчество так густо пестрело бы именами друзей или современников, как у Пушкина. Прежде всего мы имеем в виду его многочисленные «послания», смысл которых становится внятен только тогда, когда мы имеем достаточное представление о лицах, к которым эти послания были адресованы. Только тогда мы можем оценить его глубокое понимание окружающих, уменье схватить самое существенное в человеке, подчас изумительную его деликатность, подчас тонкую и убийственную иронию.

Многие из «посланий» Пушкина являются ответными. Смысл их совершенно пропадает, если не знать, на что они являются ответом.

Но и помимо «посланий» и «посвящений» много упоминаний о литературных друзьях и ссылок на их произведения или цитат из них находим мы у Пушкина. Особенно в «Евгении Онегине». Иногда эти друзья упоминаются только для сравнения. Говоря о том, что Ленский пишет стихи в альбом Ольге, Пушкин вспоминает альбомные элегии Языкова. Ленский читает свои стихи «в лирическом жару, как Дельвиг пьяный на пиру». Нередко свои описания Пушкин сопоставляет с описаниями других поэтов, подчеркивая свою реалистичность. («В тот год осенняя погода» и т. д.). «Все это низкая природа», говорит Пушкин, «изящного не много тут». А затем он отсылает читателей — любителей «роскошного слога» к описаниям зимы у Вяземского и у Баратынского. В другом месте он вышучивает фальшивое, т. е. чересчур прикрашенное, описание Одессы у поэта Василия Туманского и дает свое, вполне реалистическое, описание («В году недель пять-шесть Одесса» и т. д.).

Но самый смелый пушкинский прием — это введение персонажа чужого литературного произведения в число действующих лиц своего романа. На именины к Татьяне приезжает Буянов, герой «Опасного соседа» Василия Львовича Пушкина, остроумно названный тут: «мой брат двоюродный». В число действующих лиц, правда, эпизодических, вводит Пушкин и одного из своих друзей:

У скучной тетки Таню встретя,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел,
И близ него, ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

Таким образом, Вяземский способствовал тому, что свет впервые обратил внимание на Татьяну.

Перелистывая Пушкина, мы почти на каждой странице убеждаемся, что для читателя совсем не бесполезно было бы ознакомиться с пушкинским литературным окружением.

Хорошо бы некоторые из изданий «Сочинений Пушкина» издавать с поэтическим материалом пушкинского окружения, со всем тем, что непосредственно связано с творчеством великого поэта, то-есть тут должны быть все послания к Пушкину, на которые он ссылается или которые он пародирует.

II.

В пушкинскую эпоху гораздо больше было талантливых поэтов, чем талантливых прозаиков. Литературные друзья Пушкина почти исключительно поэты. Почти со всеми крупными и второстепенными поэтами своей эпохи и со многими теперь совершенно забытыми он был связан личным знакомством или дружбой. Исключений не много: не был он лично знаком с Полежаевым и с Тютчевым.

Пушкин вел обширную переписку. В числе его корреспондентов, считая и случайных, было не менее сорока поэтов. Не вся его переписка до нас дошла. Судя по разным отрывочным сведениям, число поэтов, с которыми Пушкин так или иначе входил в общение, было гораздо больше. Указанное число сорок надо увеличить приблизительно в полтора раза: ведь все стихотворцы, особенно начинающие, тянулись к Пушкину.

С очень многими из своих корреспондентов Пушкин был на «ты», но руководиться этим при определении степени их близости к Пушкину никак нельзя. Тут были и «минутной юности минутные друзья», как, например, Шишков 2-й, не оправдавший надежд, которые на него возлагались, типичный подражатель Пушкину. Ему Пушкин посвятил очень лестное послание в стихах, а потом писал ему: «Куда зарыл ты свой золотой талант?» Позднее из этого Шишкова выработался недурной переводчик. На «ты» был с Пушкиным и И. П. Мятлев, через три года после смерти Пушкина прославившийся своими «Сенсациями г-жи Курдюковой». В жизни и литературной деятельности Пушкина Мятлев играл несоизмеримо меньшую роль, чем многие другие поэты, с которыми Пушкин был на почтительное «вы», например Н. И. Гнедич, издатель первых книг Пушкина, или Федор Глинка, способствовавший по мере сил смягчению участи Пушкина в 1820 году.

Только знакомыми, а не друзьями, мог считать Пушкин таких поэтов, как его дальний родственник Веневитинов, как Хомяков, Шевырев, Козлов, Подолинский, автор знаменитой «Птички» («Вчера я растворил темницу») Федор Туманский, автор «Дурацкого колпака» Филимонов, которому Пушкин посвятил прекрасные стихи, и др.

Гораздо ближе к Пушкину были Баратынский, Денис Давыдов, Языков, Рылеев, Василий Туманский, Тепляков, Катенин. Но настоящими пушкинскими друзьями, самыми близкими людьми, с которыми Пушкин был связан особенно тесно, были Жуковский и два лицейских товарища — Дельвиг и Кюхельбекер, а позднее Плетнев и Вяземский. Двух из них, Кюхельбекера и Плетнева, Пушкин совсем не ценил как поэтов, и дружба с ними основывалась на другом. Плетнева Пушкин любил главным образом как прекрасного человека, находя в нем качество, которое особенно ценил: «благоволение» к людям. С Кюхельбекером связывали Пушкина шесть лет совместного пребывания в лицее и общая страсть к стихотворству. Но, как приверженец «Беседы», Кюхельбекер рано стал литературным противником «арзамасца» Пушкина. Пушкин много раз вышучивал его в своих стихах, но и вышучивая, очень любил. Не забудем, что Кюхельбекер был одним из прототипов Ленского.

Трех лиц Пушкин ценил и как ближайших своих друзей и как литературных деятелей: Жуковского, Дельвига, Вяземского.

Эти люди были не только поэтами, но и в большей или меньшей степени журналистами и литературными организаторами. Жуковский издал пятитомную антологию «Собрание русских стихотворений» и одно время, после Карамзина, был редактором журнала «Вестник Европы». Об издательской и журнальной деятельности Дельвига и Вяземского напоминать не приходится.

Отношения Пушкина к Жуковскому, Дельвигу и Вяземскому настолько различны и своеобразны, что требуют особого рассмотрения, а сейчас отметим, что из трех этих друзей только один, человек другого поколения, держался консервативных политических взглядов. Дельвиг же и Вяземский были политическими единомышленниками Пушкина: Дельвиг был участником «Зеленой лампы»; Вяземский считался у полиции не менее «красным», чем Пушкин.

Пушкинский Петербург

На воспроизведенном выше фрагменте панорамы Невского проспекта работы Садовникова слева на рисунке изображен дом, в котором с конца 1831 года помещалась книжная лавка А. Ф. Смирдина и библиотека для чтения. По поводу перехода смирдинской лавки в это помещение газета «Северная пчела» писала: «Лет около пятидесяти перед сим для русских книг не было даже лавок. Книги хранились в подвалах и продавались на столах, как товар в ветошном ряду... Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании... Русские книги в богатых переплетах стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупщиков своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенною скоростью».

Смирдинская лавка была своеобразным литературным клубом, где литераторы сходились для деловых бесед.

Пушкин был частым посетителем книжной лавки Смирдина, с которым в 1834 г. заключил условие о передаче ему монопольного права на издание всех своих произведений.

Со многими домами Невского проспекта связаны воспоминания о Пушкине. Здесь в доме купцов Косиковских помещался прославленный в пушкинское время ресторан Талона, упоминаемый в первой главе «Евгения Онегин»; здесь на углу Екатерининского канала был дом приятеля Пушкина, члена общества «Зеленая лампа» — В. А. Энгельгардта; в этом доме помещалась книжная лавка Слепина, у которого часто бывал Пушкин и в альбом которому написал стихи.

Пушкин на прогулке по Невскому зарисован в воспоминаниях его современников. Один из них, часто встречавший поэта, пишет, что он «останавливая и привлекая к себе взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом; напротив, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его тоже была старенькая; на бекеши сзади на талии недоставало одной пуговки.. Ясно, что около него не было ухода...». Эти воспоминания относятся к последним годам жизни Пушкина, когда «ухода» за ним, действительно, не было. Поэт задыхался в «придворном плену», становился все угрюмее.

В последний раз Пушкин был на Невском проспекте в роковой день дуэли 27 января 1837 г., в кондитерской Вольфа, на углу Мойки. Здесь поэта ожидал его секундант Данзас. Выпив стакан лимонада, Пушкин около 4-х часов дня вышел с Данзасом из кондитерской. Они сели в сани и поехали к месту дуэли.

Песни Пушкина

ЖАСМИНЪ И РОЗА,
ПОДАРОКЪ ДЛЯ ТУАЛЕТА
НА 1830 ГОДЪ
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ
И
ЛЮБИТЕЛЯМЪ ПѢНІЯ,
РОМАНСОВЪ И ПѢСЕНЪ.
МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова.
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ.
1830.

Титульный лист редкого издания песенника «Жасмин и роза» (изд. 1830 г.), в котором напечатано восемь стихотворений Пушкина: «Романс» («Под вечер, осенью ненастной»), «Вчера за чашею пуншевою», «Кубок янтарный», «Дарует небо человеку», «Мечты, мечты», «Эльвина, милый друг, приди подай мне руку», «Гляжу я безмолвно на черную шаль», «Ночной зефир». Кроме того, в песеннике напечатаны еще два стихотворения, не принадлежащие Пушкину, но приписанные ему составителем («Заноет сердечко» и «Нужна любовь, как воздух ясный»).

Появление произведений Пушкина в песенниках началось с 1825 года, когда во 2-й части «Избранного новейшего песенника» была напечатана «Черная шаль». Стихотворение это пользовалось в песенниках наибольшей известностью и одним из первых вошло в песенный репертуар. В пушкиниане зарегистрировано около сорока песенников, изданных при жизни поэта, в которых перепечатан целый ряд его стихотворений.

Многие из стихов Пушкина, ставшие народными песнями, прочно держатся в песенном репертуаре и в наши дни.

Пушкин первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце — он первый поднял звание литератора на высоту, до него недосягаемую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

... Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» — лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу.

... Пушкин любил свободу искренно и жарко.

М. Горький.

М. ЦЯВЛОВСКИЙ

Неизвестная эпиграмма

Посылая Вяземскому в 1825 году пять эпиграмм, Пушкин обронил: «у меня их пропасть». Не может быть никаких сомнений, что очень многих из этой «пропасти» эпиграмм мы не знаем. Сочиненные часто по мелким поводам, плод мгновенной вспышки поэта, они пускались в оборот устным путем и, возможно, даже самим поэтом не записывались. Их легко запоминали и часто очень скоро забывали. Одну из таких эпиграмм, можно сказать, случайно записанную, мне посчастливилось найти.

Для понимания эпиграммы нужно вспомнить историю ссоры в 1820 году Пушкина с гр. Федором Ивановичем Толстым, о котором поэт писал Вяземскому 1 сентября 1827 г.: «Ему показалось забавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского; я узнал обо всем, будучи уже сослан...». Что здесь разумеет Пушкин, становится ясным из записи в кишиневском дневнике прапорщика Фед. Ник. Лугинина, познакомившегося с поэтом 17 мая 1822 г. и под 15 июня записавшим со слов Пушкина некоторые подробности истории его ссылки: «...он много писал против правительства и тем сделал о себе много шуму, его хотели послать в Сибирь или Соловецкий монастырь, но государь простил его и, как он прежде просился еще в южную Россию, то и послали его в Кишинев с тем, чтобы никуда не выезжал... Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль. Также в Москву этой зимой хочет он ехать, чтоб иметь дуэль с одним графом Толстым американцем, который главный распускает эти слухи». («Литературное наследство», 1934, № 16—18, стр. 673—674).

В ответ на эти слухи Пушкин еще в 1820 году сочинил на Толстого, славившегося многими скандальными историями и нечистой игрой в карты, одну из самых убийственных своих эпиграмм:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

Но этой, не появившейся в печати, эпиграммы Пушкину было мало. «Почитая мщение одной из первых христианских добродетелей», поэт, по его словам, «в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью», посвятив ему в посланном в «Сын отечества» послании к Чаадаеву такие стихи:

Что нужды было мне
в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при
звезде,
Или философа, который
в прежни лета
Развратом изумил четыре части
света,
Но, просветив себя, загладил
свой позор,
Отвыкнул от вина и стал
картежный вор.

В «Сыне отечества» эти стихи появились в искаженном цензурой виде: исключен был второй стих, а третий был напечатан:

«Глупца философа, который
в прежни лета».

По этому поводу Пушкин писал (21 сентября 1821 г.) редактору журнала Н. И. Гречу: «Вчера видел я в «Сыне Отечества» мое послание к Чаадаеву, уж эта мне цензура!.. Там напечатано глупца философа; зачем глупец? стихи относятся к американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда». Таким образом, можно сказать, что Пушкин сделал все от него зависящее, чтобы публично заклеймить врага, назвав его по имени редактору.

Толстой не остался в долгу и разразился против Пушкина очень слабой и очень грубой эпиграммой. Но любопытно, что кто-то принял на свой счет стихи, посвященные Толстому в послании Чаадаеву.

В ответ на эту ложную аттрибуцию, которая дошла до поэта, он сочинил такую эпиграмму:

Твои догадки — сущий вздор,
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю — ты картежный вор.
Но от вина ужель отвыкнул?

Текст этой эпиграммы (без подписи) написан неизвестной мне рукой на листе бумаги, на котором той же рукой записаны: стихотворение Пушкина «Пророк», выправленное М. П. Погодиным, и эпиграмма Пушкина (тоже без подписи): «Как сатирой безымянной».

Последняя эпиграмма здесь записана в неизвестной редакции, первый стих которой читается именно так, как он записан самим поэтом в перечне стихотворений, намечавшихся им в третью часть сборника «Стихотворения Александра Пушкина». В этом перечне первый стих записан: «Как печатью безымянной», а не «Как сатирой безымянной» печатной редакции. Это обстоятельство делает очень авторитетной не только запись второй эпиграммы «Как сатирой безымянной», но и первой — «Твои догадки сущий вздор». Сомневаться в принадлежности Пушкину этой эпиграммы, конечно, не приходится. И содержание и фразеология ее тесно связаны с выпадами Пушкина против Толстого. «Моими стихами» никто, кроме Пушкина, не мог назвать стихи о «картежном воре», «отвыкнувшем» от вина.

Сочинена эпиграмма могла быть, конечно, только после выхода в свет 26 августа 1825 г. № 35 «Сына Отечества», где было напечатано послание Пушкина к Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).

Когда дошло до поэта известие о том, что кто-то увидел себя в стихах, адресованных Толстому, неизвестно. По поводу обеих эпиграмм, записанных неизвестным, нельзя не вспомнить стихов из «Евгения Онегина»:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

В числе этих «оплошных врагов», «завывших сдуру: это я!», был и тот неизвестный, которого сразила злая эпиграмма поэта.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ

Новый документ

Пушкин любил читать с пером в руках. Это отмечено еще первым его биографом П. В. Анненковым. Но до нас, к сожалению, дошло очень малое количество книг с заметками Пушкина.

Из чисто литературных произведений, на которых сохранились в большом количестве заметки Пушкина, дающие полное представление об отношении его к данным произведениям, известны лишь «Опыты» Батюшкова и статья Вяземского об Озерове.

Оба эти документа постигла интересная судьба. В 90-х годах академик Л. Н. Майков, не публикуя их полностью, сообщил их в своих статьях.

Затем документы эти как бы безвозвратно исчезли из поля зрения пушкиноведов. Экземпляр «Опытов» Батюшкова с подлинными заметками Пушкина не обнаружен до сих пор. Но несколько лет назад в библиотеке Академии наук СССР был найден майковский экземпляр «Опытов», на который Майков сам перенес заметки Пушкина. Даже находка «копии» позволила уточнить и расширить состав пушкинских критических заметок и вместе с тем показала, что Майков воспроизвел их в своей статье неполно и неточно.

В «Правде» от 6 января с. г. сообщалось о том, что при подготовке материалов к Всесоюзной пушкинской выставке нами был обнаружен оттиск статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» с многочисленными заметками Пушкина.

Сличение подлинника со статьей Майкова выявило вопиющую небрежность, с которой он отнесся к воспроизведению заметок.

Прежде всего надо сказать, что Майков вовсе не привел свыше двадцати отдельных замечаний Пушкина. Кроме того, все многочисленные редакторские исправления, указания Пушкина на грамматические неточности в статье Вяземского, подчеркивания и другие «немые» отметки также были Майковым опущены. В двух-трех случаях Майков исказил пушкинский текст.

Теперь мы можем восстановить подлинную картину. В период между 1827 и 1828 гг. П. А. Вяземский пожелал представить на суд Пушкина свою раннюю статью «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817 г.), которая неоднократно печаталась в виде критико-биографического вступления к сочинениям прославленного тогда трагика. Видимо, Вяземский хотел получить от Пушкина развернутую, подробную оценку своей статьи. Об этом можно судить хотя бы по количеству вложенных в оттиск статьи листов белой бумаги, на которых Пушкин должен был набросать свои замечания. Таких листов было вложено 64; Пушкин заполнил заметками 22 листа, набрасывая одновременно заметки и на полях.

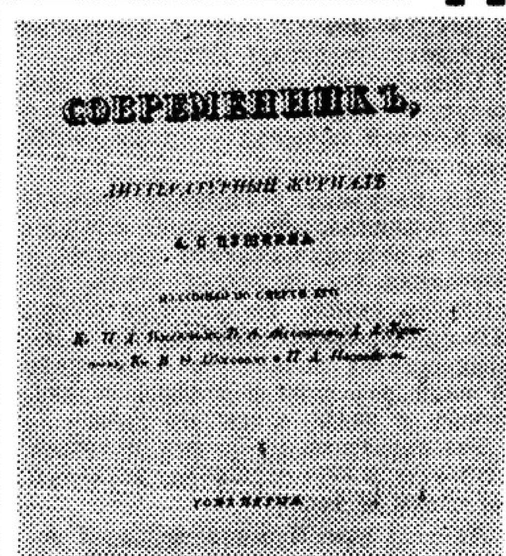
Заметки являются ценнейшим добавлением к известной уже критической прозе Пушкина и представляют исключительный интерес для характеристики Пушкина как критика и читателя.

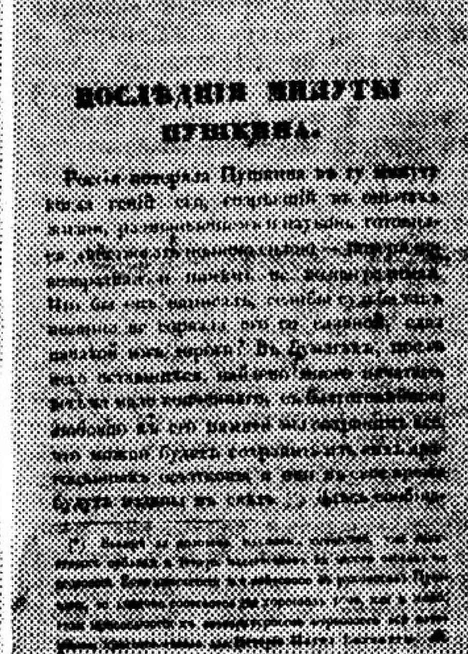
В них своеобразно отразилась система взглядов Пушкина на драму, на русский театр. Мы найдем здесь хотя и беглые, но характерные для Пушкина-критика замечания об отдельных западных и русских драматургах (Ротру, Корнель, Сумароков, Княжнин и др.).

Вместе с тем заметки эти дают богатейший материал для анализа редакторских приемов Пушкина. Они еще раз показывают, насколько требовательным и внимательным читателем был Пушкин. Каждая заметка говорит о стремлении его к предельной точности, сжатости и простоте. Пушкин зачеркивает, заключает в скобки, отмечает на полях изысканные, надуманные выражения Вяземского («Мельпомена приняла владычество свое над душами», «С нею питался восторгами платонической страсти» и т. д. и т. д.). Вяземский пишет: «Расин, победивший Корнеля... перестал брать его себе в пример». Пушкин подчеркивает слова: «Расин, победивший Корнеля» и замечает на полях: «не думаю». Заметка краткая, но выразительная.

Он указывает на неудачные обороты, стилистические неточности, грамматические ошибки, длинноты, неясности и повторения. Он намечает в статье композиционные изменения, предлагая Вяземскому перенести начальные страницы статьи в середину ее и т. п.

В чрезвычайно острых и интересных заметках этих Пушкин подвел итоги своим суждениям об Озерове, рассеянным в его переписке и статьях. Произведения Озерова были предметом постоянных споров Пушкина с Вяземским, который считал Озерова создателем русской трагедии, тогда как Пушкин назвал его посредственным драматургом, чьи произведения обречены на забвение «при появлении истинной критики».

СОВРЕМЕННИКЪ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
А. С. ПУШКИНА

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ
ПУШКИНА.

Журнал «Современник». Основан Пушкиным в 1836 г. Слева — титульный лист пятого тома, первого вышедшего после смерти Пушкина, справа — страница из того же тома.

В. ВЕРЕСАЕВ

У гроба

В ночь с 30 на 31 января в квартире Пушкина, где стоял гроб с его телом, собралось человек десять-двенадцать его друзей. Неожиданно квартиру заполнили жандармы во главе с начальником корпуса жандармов, генералом Дубельтом. «Без преувеличения можно сказать, — писал кн. П. А. Вяземский вел. кн. Михаилу Павловичу, — что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатских пикетах, расставленных по улице; но против кого была эта военная сила, наполнившая собою дом покойника в те минуты, когда человек двенадцать друзей и ближайших знакомых собрались туда, чтобы воздать ему последний долг? Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы?»

И Жуковский с горечью писал графу Бенкендорфу: «Назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которую собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви... Полиция перешла границы своей бдительности. Из толков, не имевших между собою никакой связи, она сделала заговор с политическою целью...

На другой день после дуэли, до самого выноса гроба из дома, приходили посторонние, приходили с тихим, смиренным чувством участия, с молитвою за него и горевали о нем, как о друге, скорбели и о том великом даровании, в котором угасала одна из звезд нашего отечества, и в то же время с благодарностью помышляли о государе, который, можно сказать, был впереди нас тем участием, что так человечески за одно с нами выразил в то время. И все это делалось так тихо; не было слышно ни малейшего шума, не произошло ни малейшего беспорядка: жалели о нем; большая часть молилась за него, молилась и за государя. Что же тут было, кроме умилительного, кроме возвышающего душу?»

Все было так тихо и смирно, так умилительно. А глупые жандармы с чего-то всполошились и приняли ряд нелепейших мер, совершенно не вызывавшихся обстоятельствами: для чего-то тайно, глухою ночью, выносят тело не в указанную церковь, заграждают доступ на отпевание всем, кроме избранных, глухою же ночью увозят тело Пушкина из Петербурга, на курьерских лошадях мчат гроб в Псковскую губернию с тою же тайною, чтобы никто не знал, что это везут Пушкина.

Не удивительно, что так старались изобразить дело смирные друзья Пушкина, главною целью которых было доказать правительству лояльность умершего поэта. Но удивительно, что почти на протяжении целого столетия, до самого последнего времени большинство верило уверениям пушкинских друзей, совершенно не оценило серьезности общественного движения, вызванного смертью Пушкина, и соглашалось с мнением Щеголева о «поражающих своею бессмысленностью мерах, принятых полицией Бенкендорфа при погребении Пушкина».

Меры, принятые полицией, были вовсе не бессмысленны, а вполне естественно вытекали из всего положения дела. А дело в действительности обстояло так. Стечение народа во время болезни и после смерти Пушкина представляло собою что-то для того времени совершенно невиданное и никем решительно не ожидавшееся. По показаниям различных свидетелей, у гроба Пушкина перебывало от тридцати до пятидесяти тысяч народу.

Население Петербурга в то время исчислялось в 480 тысяч человек; если исключить детей, исключить солдат, не имевших возможности покидать казармы без разрешения начальства, то процент для того некультурного времени получается почти невероятный. По сообщению одного современника, полиция насчитала двенадцать тысяч экипажей, подвозивших людей, желавших поклониться праху Пушкина. Если бы эти экипажи поставить гуськом, полагая по пять метров на экипаж, то получилась бы вереница экипажей в шестьдесят километров. Извозчиков нанимали, просто говоря: «к Пушкину!», и извозчики везли прямо туда. Старичок, стоя в толпе, теснившейся у под'езда квартиры Пушкина, говорил с изумлением:

— Господи боже мой. Я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было.

«Весь город как будто оделся в траур, — рассказывает немец-лифляндец В. В. Ленц, в то время бывший в Петербурге. — Перестали посещать театры; густые, безмолвные толпы простонародья благоговейно вступали в печальный дом, где лежало тело Пушкина. Похороны его были чем-то в роде народного события. Невский проспект вплоть до Аничкова моста был битком набит публикой, состоявшей из всех классов общества, так что едва оставалось место для проезда».

Ленц отмечает характерную черту: в квартире Пушкина теснилось «простонародье». Эту же черту отмечают и другие наблюдатели. Дочь историка Карамзина, княгиня Е. Н. Мещерская, рассказывает: «Множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснилось пестрою толпою вокруг гроба Пушкина. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху Пушкина. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь и сожалел о краткости его блестящего поприща».

И старик Геккерен смущенно доносил своему правительству: «Долг чести повелевает мне не скрыть того, что общественное мнение высказалось при кончине г. Пушкина с большею силою, чем предполагали». Саксонский посланник также отмечает в своем донесении, что наибольшее сочувствие смерть Пушкина пробудила во «втором и третьем классе жителей Петербурга». «Это были действительно народные похороны», — записал в своем дневнике проф. Никитенко.

И толпы эти, теснившиеся к гробу Пушкина, держались вовсе не так смирно и покорно, как старается представить Жуковский. Доктор Станислав Моравский рассказывает: «Все население Петербурга, а в особенности чернь и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждало отомстить Дантесу. Хотели расправиться даже с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить. Неаполитанский посланник доносил своему правительству: «Эта дуэль оценивается всеми классами общества, а в особенности средним, как общественное несчастие, и общество раздражено тем, что находящийся на русской государственной службе француз лишил Россию лучшего из ее поэтов».

Саксонский посланник доносил: «Должно отметить всеобщее возмущение и даже склонность к более сильному, чем обыкновенно, национальному негодованию, которое не ограничивается справедливыми упреками, но устремляется на противника, как на иностранца, и требует, чтобы он был строго наказан». Видимо, движение носило совершенно необычный для России характер, все решительно иностранные посланники считают нужным довести о нем до сведения своих правительств. Особенно характерно донесение прусского посланника Либермана, ярого реакционера. «Я знаю положительно, — писал он, — что под предлогом пылкого патриотизма в последние дни в Петербурге произносятся самые странные речи, утверждающие между прочим, что Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным представителем вольности народной и пр., и пр., и меня уверяли, что офицер, одетый в военную форму, произносил речь в этом смысле посреди толпы людей, собравшихся вокруг тела покойного в доме, где он скончался... Думают, что в доме Пушкина перебывало до пятидесяти тысяч лиц всех состояний, многие корпорации просили о разрешении нести останки умершего. Шел даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, демонстрации и овации, вызванные смертью Пушкина, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала перенести тело в церковь ночью».

Жуковский и граф А. Ф. Орлов получили анонимные письма. Орлову корреспондент писал: «Ссылка на вечные времена в гарнизоны солдатом Дантеса не может удовлетворить русских за умышленное, обдуманное убийство Пушкина... Открытое покровительство и предпочтение чужестранцам день ото дня делается для нас нестерпимее. Времена Биронов миновались. Вы видели вчерашнее стечение публики, в ней не было любопытных русских, — следовательно, можете судить об участии и сожалении к убитому...

Дальнейшее пренебрежение царя к

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Из литературных разговоров

Пушкин с упреком говорил о современных ему литераторах:

— Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются.

П. АННЕНКОВ. Материалы для биографии Пушкина.

★

— После чтения Шекспира, — говорил Пушкин, — я всегда чувствую кружение головы; мне кажется, будто я глядел в ужасную мрачную пропасть.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ.

★

— Как после Байрона нельзя описывать человека, которому надоели люди, так после Гете нельзя описывать человека, которому надоели книги, — сказал Пушкин.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ.

★

Рассуждая о стихотворных переводах Вронченки (из Байрона, Гете, Мицкевича), производивших тогда впечатление, Пушкин сказал:

— Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своем, но та беда, что к каждому стиху Вронченки привешена гирька.

К. А. ПОЛЕВОЙ.

★

Он был не весел в этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отзывался о новом направлении литературы, о новых теориях и, между прочим, сказал:

— Немцы видят в Шекспире чорт знает что, тогда как он просто, без всяких умствований говорил, что было у него на душе, не стесняясь никакой теорией.

Тут он выразительно напомнил о неблагопристойностях, встречаемых у Шекспира, и прибавил, что это был гениальный мужичок.

Записки К. А. ПОЛЕВОГО.

★

Пушкину предложили написать критику исторического романа Булгарина. Он отказался, говоря:

— Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь.

«Литературная газета», 1830 г. № 45.

★

Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ»... то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски:

— Боже, как грустна наша Россия.

Н. В. ГОГОЛЬ.

★

Однажды на мой вопрос, как удалось ему не поддаться тогдашнему обаянию Жуковского или Батюшкова и не попасть даже на школьной скамье в число их подражателей, Пушкин отвечал:

— Я этим обязан Денису Давыдову. Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ.

Первый автограф Пушкина

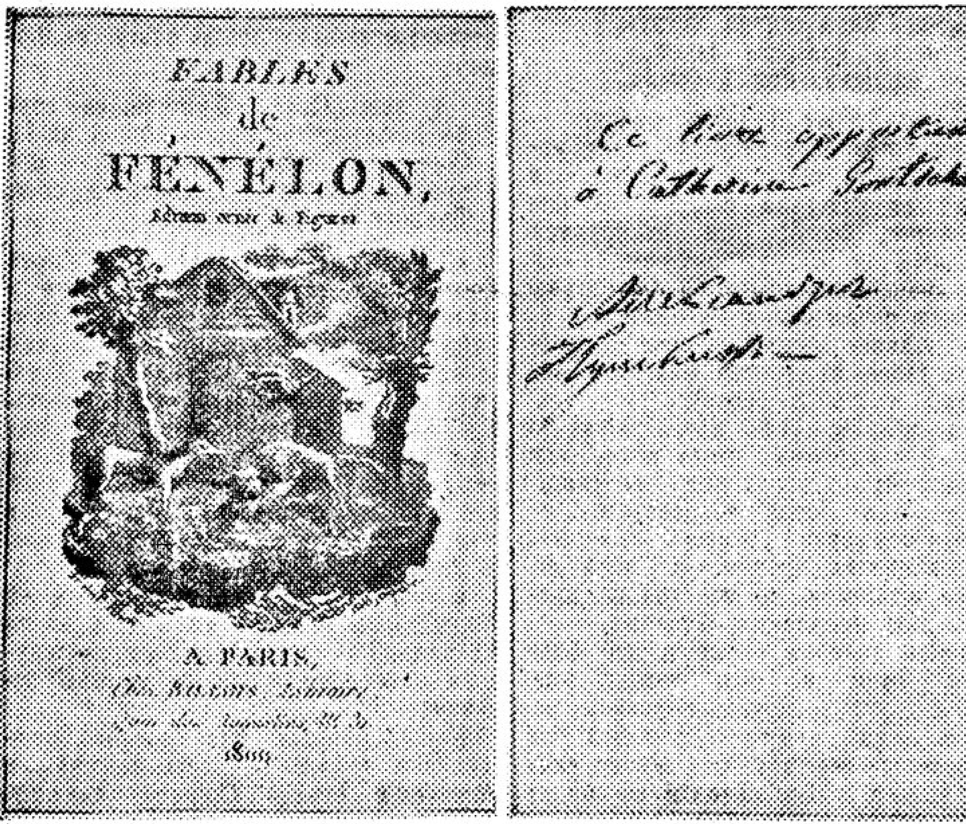
(ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ)

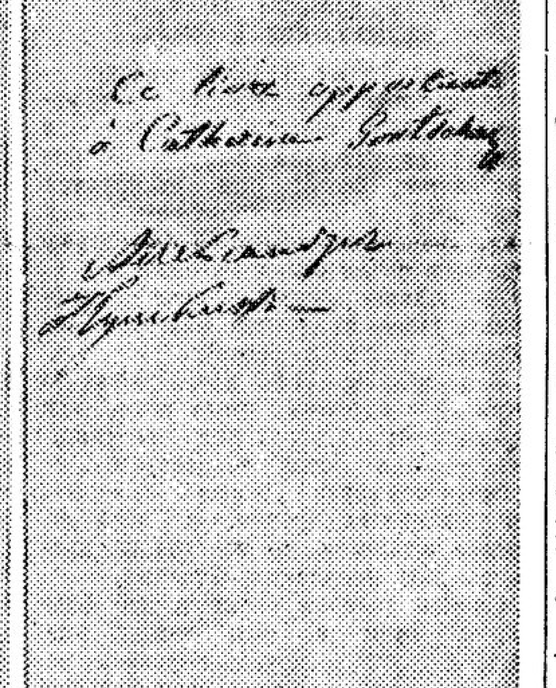
В книжном собрании ленинградского литературоведа О. В. Цехновицера хранится французская книга «Fables de Fénelon, edition ornée de Figures». A. Paris. 1809 («Басни Фенелона, издание, украшенное гравюрами». Париж. 1809). Книга эта принадлежала Пушкину в начале 1810-х годов и, судя по пометкам в тексте, ряд отрывков из нее Пушкин заучивал наизусть. На книге имеется подпись Пушкина, являющаяся по заключению специалистов самым ранним из известных автографов поэта.

На форзаце книги сделана надпись Н. Н. Пушкиной: A Catherine Gontscharoff (Екатерине Гончаровой), а над подписью Пушкина, на обороте передней крышки переплета, пометка Е. Н. Гончаровой: Ce livre appartient á Gatherine Gontscharoff (эта книга принадлежит Екатерине Гончаровой). Должно быть книга, по которой учился Пушкин, была подарена Н. Н. Пушкиной своей сестре, Е. Н. Гончаровой, впоследствии Дантес.

По просьбе Всесоюзного Пушкинского комитета книга с первым автографом Пушкина переслана в Москву и будет экспонироваться на Всесоюзной пушкинской выставке.

На фото — титульный лист «Басен Фенелона» и автограф Пушкина, воспроизводимый **впервые**.

Новые материалы

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были ничто иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером, написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов»..

Эти слова сказаны Пушкиным в 1836 году, почти сто лет назад, в статье по поводу переписки Вольтера с де Броссом.

В только что подготовленном к печати третьем томе «Пушкинского Временника» (издание Академии наук СССР) впервые приводится маленькая заметка Пушкина, написанная им приблизительно в то же время, в 1836 году. Среди каких-то вычислений и рисунка, изображающего кусты и пень, Пушкин выписал три колонки незаконченных слов, и даже отдельных букв *).

	Тютч	
	Надежда	
	[Челоб]	
	Как пишу	
Вяз.	о Пуг	
Челоб	о Лоб	
Эпигр.	Нос	
Род.	Партия	Мо(с)ква
		Вольт
		Тепляк
		П. из Т.

Заметка эта, как установил Л. Б. Модзалевский, является списком материалов, намеченных Пушкиным для третьего тома «Современника». Очевидно Пушкин писал во время спешной редакционной работы, не заканчивая фамилий авторов и названий произведений. Но в пометке «Вольт» мы легко узнаем напечатанную без подписи статью Пушкина «Вольтер», — именно из этой статьи взяты нами слова Пушкина: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства»... Пушкин произнес их, обращаясь к автографам Вольтера. Мы повторяем эти слова, рассматривая с волнением каждую строчку, каждое слово, написанное великим Пушкиным.

В торопливых пометках, сделанных карандашом на обороте делового письма к поэту, предстает Пушкин-журналист, Пушкин — редактор «Современника». Вот уже готова черновая наметка очередного тома! **«Вяз.»** — это стихотворение кн. П. А. Вяземского «Kennst du das Land», **«Челоб»** — стихотворение Д. В. Давыдова «Челобитная», — то самое стихотворение, которое вызвало бесконечные придирки цензора А. Л. Крылова... Так расшифровывается каждая пометка.

«Род.» оказывается «Родословной моего героя» (отрывок из сатирической поэмы)» Пушкина. **«Нос»** — отрывок из новой повести Н. В. Гоголя, **«Как пишу»** — статья В. Ф. Одоевского «Как пишутся у нас романы», а **«о Пуг»** — статья «Об истории Пугачевского бунта (разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 года)», в которой Пушкин отвечает на критику историка В. Б. Броневского. И даже буквы **«П. из Т.»** — не что иное, как «Письмо из Твери», озаглавленное «Письмо к издателю». подписанное инициалами А. Б., но, как недавно доказано, принадлежавшее перу Пушкина.

В другой заметке всего четыре строчки:

Лирические стихотворения
Элегии 8
Сказки (простонародные стихотворения
Смесь

Они написаны на обороте счета книжного магазина. Счет датирован декабрем 1836 года, — как раз в это время Пушкин заключил условие с книгоиздателем А. А. Плюшаром на переиздание в одном томе стихотворений, вышедших в 1829—1835 гг. В книге, по условию, должны были быть четыре части. Приведенная нами неизвестная заметка Пушкина, по мнению Л. Б. Модзалевского, является предварительной схемой, разделяющей его сочинения по жанрам и намеченной поэтом именно для этого издания, осуществлению которого помешала смерть поэта.

Очень интересен и черновой набросок Пушкина:

« ...Смешно как веруют у нас каждой шутке. К. (нязь) В. (яземский), оправдывая излишество эпитетов, (делающих) русские стихи столь вялыми, сказал очень забавно: что все существ(ительные) сказаны и что нам остается (заново оттенивать их прилагательными) и проч. Добро (совестные) люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы, и деепричас(тия) и проч(ие) части речи давно уже сказаны.

Если все уже сказано, зачем же вы пишете? Чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие...».

Этот черновой набросок (мы приводим отрывки), по сообщению Б. М. Эйхенбаума, написан на одном листе с заметкой «Примеры невежливости», вошедшей (в переработанном виде) в серию «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», напечатанных в «Северных цветах» (1828 г.). В этом наброске, написанном в 1827 году, Пушкин откликается на очень интересный и злободневный тогда спор об употреблении имен прилагательных, обилием которых отличался стиль карамзинистов. Серьезное рассуждение Вяземского-карамзиниста о том, что «все существительные сказаны» и пр., Пушкин превращает якобы в шутку, высмеивая тем самым Вяземского и его единомышленников.

Из неизвестных текстов Пушкина, вошедших в третью книгу «Пушкинского Временника», отметим еще неизвестную, очень неразборчивую строфу из стихотворения «Осень», в которой Пушкин обращается к своим друзьям-поэтам и называет Кюхельбекера **«Живою жертвой Леты»**.

А. В. Никитенко в своем дневнике, 30 января 1837 г. (ст. ст.), записывая события, связанные с дуэлью и смертью Пушкина, отметил между прочим, следующий факт:

«Пушкин умер 29-го в пятницу, в три часа пополудня. В приемной с утра до вечера толпились посетители, приходящие узнать о его состоянии. Принуждены были выставлять бюллетени».

Эти документы, долгое время бывшие неизвестными, публикуются сейчас Л. Б. Модзалевским в «Пушкинском Временнике». Один из бюллетеней хранился в бумагах В. А. Жуковского и выпущен 28 января, т. е. на следующий день после дуэли, когда появилась некоторая надежда на улучшение состояния больного.

На полулисте голубоватой почтовой бумаги крупным, необычным для Жуковского, почерком написано:

Первая половина ночи беспокойна; последняя лучше. Новых угрожающих припадков нет; но так же нет, и еще и быть не может облегчения.

Второй из сохранившихся бюллетеней хранился в архиве бр. Тургеневых. На другой половинке того же листа написаны трагические строки:

Больной находится в весьма опасном положении.

Б. РЕСТ.

*) В квадратные скобки [ ] нами заключаются слова, вычеркнутые Пушкиным, в круглые ( ) — пропущенные слова или части слов.

Первая из лубочных картинок к «Р омансу» (1832 г.). Под картинкой выписано все стихотворение, озаглавленное «Следствие порочной любви», повидимому по предложению цензуры

Из мыслей Пушкина

Чтение — вот лучшее учение.

★

Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств. Она основана, во-первых, на совершенном знании правил, коими руководствовался художник или писатель в своих произведениях, во-вторых, — на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

★

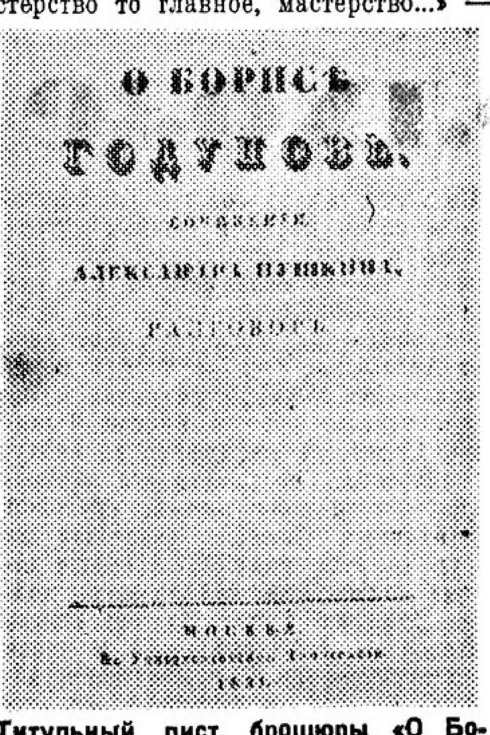
Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойства русского языка; критики наши напрасно ими презирают.

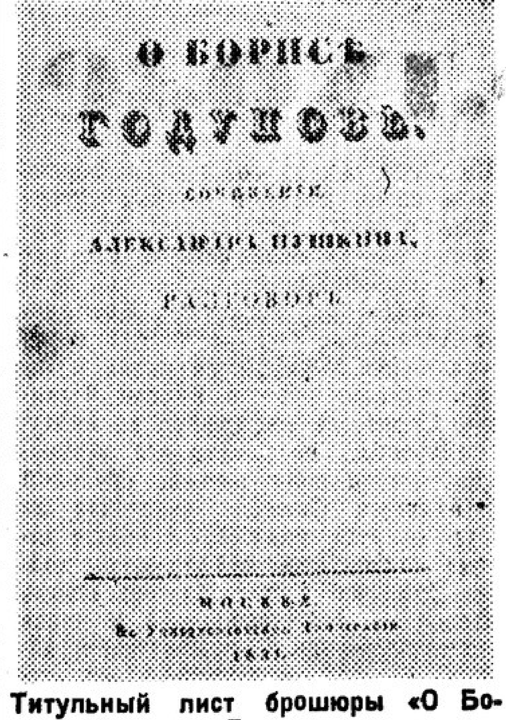
Разговор о «Борисе Годунове»

Трагедия Пушкина «Борис Годунов» вышла в свет в последних числах декабря 1830 г. Появление трагедии вызвало большой интерес. В № 1 «Литературной газеты» за 1831 г. была помещена следующая заметка: **«Бориса Годунова,** соч. А. С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних (т. е. петербургских) книгопродавцев, до 400 экземпляров. Это показывает, что неприветливые журналисты напрасно винят публику за равнодушие к истинно-хорошему в нашей литературе».

Н. В. Гоголь в неоконченной статье о «Борисе Годунове» рисует яркую картину продажи трагедии в книжном магазине.

«Славная вещь! Отличная вещь! отдавалось со всех сторон: «Что, батюшка, читали Бориса Годунова? Нет? Ну, ничего же вы не читали хорошего», — бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре. — «Каков Пушкин?» — сказал, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему последние листы. — «Да, есть места удивительные». — «Ну, вот, наконец, дождались и Годунова». — «Как, Борис Годунов вышел? Скажите, что это такое «Борис Годунов?» Как вам кажется новое сочинение?» — «Единственно, единственно. Еще бы некоторой картины... О, Пушкин, далеко шагнул.» — «Мастерство то главное, мастерство...» — трещал толстенький кубик с веселыми глазками...»

Титульный лист брошюры «О Борисе Годунове»

Но литературными староверами и реакционерами трагедия Пушкина была встречена очень враждебно.

К числу враждебных критических высказываний относится весьма редкая брошюра, изд. в 1831 г. «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольно практикующего в оном учителя российской словесности». Автор этого «Разговора» неизвестен. Содержание брошюры, написанной в форме диалога, сводится к тому, что собеседники не могут решить вопрос о том, к какому литературному жанру принадлежит «Борис Годунов», что многие места трагедии противоречат «изящному» вкусу. В «Разговоре» подчеркиваются «резкие мысли», указывающие на политическую неблагонадежность автора трагедии.

Кончается «Разговор» так:

Учитель. ...надобно желать, Петр Алексеевич, чтоб это потомство как можно скорее показалось, а до позднего не дожить нынешнему Борису Годунову».

С резкой рецензией против этой брошюры выступил В. Г. Белинский, назвавший ее «школярной болтовней».

В. КИРПОТИН

Юбилей Пушкина и литературные нравы

К жизни и творчеству Пушкина обращены сейчас взоры всей страны, всего культурного мира. В юбилейные дни следует вспомнить об одной из характерных черт Пушкина. Пример его может иметь положительное, оздоровляющее значение для литературных нравов, для нашей литературной среды.

Размышление над жизнью и творчеством Пушкина может помочь изжить литературное чванство, которое достаточно сильно проявляется и среди советских писателей. Можно заметить, что чем посредственнее писатель, тем больше у него замашек и претензий «гения». Он не пишет — он торжественно творит, он услужливо подготовляет для потомства данные о своем творческом процессе, — черновики, варианты, сведения об ассоциациях, подготовивших появление образа, даже о технике хранения материалов и черновиков.

У Пушкина же совершенно не было такого самочувствия «гения». В этом отношении он совершенно похож на созданный им образ Моцарта. С друзьями он чувствовал себя другом, с возлюбленной — возлюбленным и т. д., нигде не требуя особого, добавочного внимания к себе за то, что он писатель. И в то же время каждая жилка его дышала творчеством.

Поэтому он мог естественно и непринужденно, не рисуясь и не натаскивая себя, вперемежку с обычным, с житейским, в любом месте и в любом собрании говорить о музах и разуме, о поэзии.

Это было следствием живого органического интереса к творчеству, не затемненного никакими мелкими побуждениями. И когда Пушкин писал, он думал о том, чтобы написать хорошо, чтобы создать совершенное произведение искусства, чтобы пластически полно выразить обуревавшую его идею.

Цель была — творчество, создание произведения.

Поучительна пушкинская тщательность работы. Пушкин уважал свой труд. Поэтому он изумительно тщательно обрабатывал свои произведения для печати.

Даже над теми произведениями, которые заведомо нельзя было опубликовать при жизни, он работал с тем же напряжением, как и над теми, которые должны были поспеть к определенному сроку для издания. В этом видна требовательность художника, уважение к произведению и к читателю.

Читатель получал стройное, отделанное произведение, выполненное наиболее экономными средствами, высокохудожественное, идейно глубокое. Пушкин понимал, что читатель художественных произведений должен был духовно обогащаться, получая в то же время эстетическое наслаждение.

Интерес общего дела, интерес литературы стоял для Пушкина на первом плане. Личные интересы отступали у Пушкина на задний план. Кто из современных писателей подарил бы сюжет и идею своего задуманного произведения, чтобы дать развернуться другому писателю, чтобы помочь другому творцу найти свою дорогу? А Пушкин это сделал.

Известно, что сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора» были подарены Гоголю Пушкиным. Великий поэт дарил при этом не какие-нибудь обрезочки использованных тем, нет, он дарил свое кровное, то что собирался сам развернуть в первоклассное произведение, дарил из чувства товарищества, дружбы, долга перед литературой, потому что он, Пушкин, хотя и проигрывал при этом, но искусство выигрывало.

«Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно, — рассказывал Гоголь в «Авторской исповеди», — он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того, как я прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение. Это, просто, грех!». Вслед за этим начал он мне представлять слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано, привел мне в пример Сервантеса, который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за «Дон Кихота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, и которого, по словам его, он бы не отдал никому другому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему)».

Эти черты Пушкина как писателя проистекают вовсе не из того, что он был какою-то иконописною фигурою, наполненною всякими житейскими добродетелями и совершенствами. Вовсе нет! Всем известно, что иконописного не было в Пушкине ни капли, что в житейском смысле в нем было много слабостей и несовершенств. Но Пушкин умел отделять важное от второстепенного, умел мелкое подчинять главному.

Недаром он написал следующие слова, когда историки обнаружили некоторые житейские слабости Вольтера: «Что из этого заключить? Что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества, что, наконец, место писателя есть его ученый кабинет, и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Ту же мысль он выразил в другом месте, в письме к Вяземскому, жалевшему об утрате записок Байрона: «Мы знаем Байрона довольно, видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки... потому, что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего.

При открытии всякой мерзости, она в восхищении — он мал, как мы; он мерзок, как мы! Врете, подлецы, он и мал и мерзок не так, как вы, — иначе!».

Преданность делу, общим интересам у Пушкина была так велика, что он в день дуэли не забывает заехать к писательнице Ишимовой, чтобы дать ей поручение для редактируемого им «Современника». Вот записка, оставленная им писательнице, которой не было дома:

«Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Corwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашем, переведите их, как умеете, — уверяю вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..».

Доброжелательность к товарищу по работе, добросовестность редактора, интерес ко всякому хоть чем-нибудь примечательному явлению в литературе, — как все это поразительно в этой скупой, короткой предсмертной записке!

Литературная среда во время Пушкина была поражена многими пороками. Социальное окружение ее было ужасающе губительно.

Социальное окружение советской литературной среды действует на нее благотворно.

И все же, при всей разнице эпох, у нас еще множество недостатков в среде литераторов. Отношение Пушкина к литературе, писателям, редакторским обязанностям, его скромность, необычайная требовательность к себе, добросовестность, тщательность, его огромное трудолюбие, доброжелательность к товарищам, — все это должно служить нам образцом и примером.

своим верным подданным, увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть, врученная недостойным лицам, стая немцев, — все, все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и в самом народе... Ваше сиятельство, именем вашего отечества, спокойствия и блага государя, просят вас представить его величеству о необходимости поступить с желанием общим, выгоды от того произойдут неисчислимые, иначе мы горько поплатимся за оскорбление народное, и вскоре».

Как видно из всего вышеприведенного, раскаты негодования гремели уже над головами ближайших сотрудников царя и исполнителей его воли в самой непосредственной близости от императора. Дело принимало нешуточный оборот. И самое в этом грозное было то, что неожиданно прервалось всеобщее многолетнее рабское молчание.

Появилась огненная стихотворная прокламация Лермонтова «На смерть Пушкина».

Стихи эти распространились по Петербургу и по всей России с необычайной быстротою. Современники сообщают, что они переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и заучивались всеми (Панаев), что навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление (Стасов).

Очевидно, стихи Лермонтова совпадали с общим настроением, а в таком случае они представляют неопровержимый художественный документ, свидетельствующий, до какой степени в то время раскалилась общественная атмосфера.

О совершенно необычайной значительности общественного движения, вызванного смертью Пушкина, с неменьшей силой говорит и другое обстоятельство. Что, собственно, случилось? Баловень высшего света, блестящий гвардейский офицер ухаживал за женою нечиновного «сочинителя» с незначительным придворным званием, мало кем в свете любимого за острый язык и независимое поведение. Ревнивый муж вызвал офицера на дуэль и был им убит. Что здесь для того времени особенного? Обычная любовная история, где рогоносец-муж играет самую жалкую роль.

Вешеное же письмо его было настолько неприлично, что дуэли избежать не представлялось никакой возможности. Общее сочувствие высшего света было на стороне офицера. «Только немногие из лиц высшего общества окружали смертный одр поэта, — пишет саксонский посланник Люцероде, — в то время как нидерландское посольство атаковывалось обществом, выражавшим свою радость по поводу столь счастливого спасения элегантного молодого человека». Император тоже нисколько не был возмущен случившимся. Старик Геккерен писал в Голландию барону Верстолку: «Император, сообщая роковую весть императрице, выразил уверенность, что барон Геккерен (Дантес) был не в состоянии поступить иначе». И прусский посланник доносил: «Его величество высказался вначале довольно благоприятно на счет барона Геккерена (Дантеса), признавая, что он совершенно не мог отказаться от вызова своего бешеного противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашним заявлениям Пушкина, должна быть во всяком случае смертельным поединком, поведение его было честно и смело».

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все совершенно изменилось. Высшее общество шарахнулось от Геккеренов, как от зачумленных; генерал-ад'ютанты и камергеры затеснились у гроба Пушкина; испуганный старик Геккерен пишет отчаянное письмо министру иностранных дел Нессельроде с просьбою представить его оправдания императору; а император ничего и слышать не хочет, с возмущением говорит о своднической роли, которую играл в этой истории «каналья Геккерен». Дантеса присуждают к разжалованию в рядовые, и, как иностранного подданного, высылают из России, — «посажен в открытый экипаж и отвезен за границу, как бродяга, без предупреждения его семьи об этом решении», — с негодованием писал французский посол Барант. Старшему Геккерену отказано в аудиенции и нанесена жесточайшая обида: он уезжал только в отпуск, а ему от императора была прислана в подарок табакерка, которую получают только посланники, покидающие свой пост.

Причины этой разительной перемены были для современников совершенно ясны. Дантес в своих об'яснениях перед судом, ссылаясь на свидетелей, которых он просил допросить, с горечью прибавлял: «Правда, все те лица, к которым я вас отсылаю, чтобы почерпнуть сведения, от меня отвернулись с той поры, как простой народ побежал в дом моего противника, без всякого рассуждения и желания отделить человека от таланта».

Движение было настолько сильно, что заговорили об организованной «русской партии», якобы направлявшей это движение. Вюртембергский посол доносил: «Глаз стороннего наблюдателя мог убедиться еще раз, насколько сильна и могущественна чисто русская партия, к которой принадлежал Пушкин. Непосредственно после дуэли большинство высказывалось в пользу молодого Геккерена, но не понадобилось и суток, чтобы русская партия изменила настроение умов в пользу Пушкина».

Геккерен-старший писал Дантесу после высылки его из России: «Решительно мы подвергаемся нападкам партии, которая начинает обнаруживаться, и некоторые органы которой возбуждают преследование против нас. Прусский посланник Либерман в своем секретном донесении совершенно определенно указывал на причины, заставившие императора изменить свое первоначальное благосклонное отношение к Геккерену-Дантесу: «Надо думать, что император не пожелает, а, быть может, не сможет всецело следовать своим первым впечатлениям, но подвергнет барона Геккерена, по меньшей мере, на некоторое время достаточно суровому наказанию, хотя бы для того, чтобы успокоить раздражение и крики о возмездии или, если угодно, горячую жажду публичного обвинения, которую вызвало печальное происшествие. Это чувство проявилось в низших частях населения столицы с большою силою. Смерть Пушкина представляется здесь как несравненная потеря страны, как общественное бедствие».

Нам представляется вполне очевидным: горячий взрыв общественного негодования заставил понять и императора Николая, что дело идет не о ничтожном сочинителе, камерюнкере его двора, а о человеке, высоко ценимом самыми широкими общественными кругами страны. А в таком случае и роль Геккерена-старшего пришлось трактовать иначе. Уговаривал жену Пушкина ответить на любовь его приемного сына, — подумаешь, какое преступление. И из-за такого пустяка требовать отозвания посланника! Теперь дело изменилось. Теперь, оказывается, такого поведения посланника совершенно невозможно терпеть.

Нужна была жертва общественному негодованию, и этою жертвою явились Геккерены.

Главною причиною изменившегося отношения Николая к Геккеренам был взрыв общественного негодования, изумивший и испугавший Николая. Волею-неволею пришлось понять, что убит великий поэт, слава и гордость России. И пришлось перестроить все свое отношение к случившемуся, пришлось притвориться, что и наверху смерть Пушкина расценивается как великая национальная потеря. Это сделал **напор снизу.**

Тот же напор снизу вызвал тайный ночной вывоз тела Пушкина из квартиры, отпевание его не в указанной церкви, спешный увоз тела в Псковскую губернию. Все эти действия диктовались вовсе не пустыми страхами перед несуществующими призраками, как с возмущением уверяли в свое время лояльные друзья Пушкина. Страх правительства был вполне основателен: среди всеобщего могильного молчания вдруг совершенно явственно зазвучал живой голос независимого общественного мнения. Самый этот факт испугал правительство, безотносительно к тому, грозила ли какая-нибудь непосредственная, конкретная опасность. Поспешив, с одной стороны, перестроить свое отношение к случившемуся, Николай, с другой стороны, постарался преградить все пути к проявлению общественного негодования.

Одиннадцать с небольшим лет назад пушками Николая было разгромлено восстание на Сенатской площади. С той поры общественная жизнь России, казалось, замерла. В демонстрации у гроба Пушкина она впервые снова подала свой голос. Но этот голос был уже не голосом дворянства, вышедшего на Сенатскую площадь: дворянство смирилось и низко опустило перед самодержавием голову. За прошедшее десятилетие в России народился новый общественный слой, получивший у нас название «разночинцев». Впервые новый этот слой дал себя почувствовать на похоронах Пушкина, и притом не в виде тесного кружка, не в виде тайного заговора, а в виде стихийного массового движения.

Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения. Он первый приучил русскую публику читать, и в этом состоит величайшая его заслуга. В его стихах сказалась нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир.

Н. А. Добролюбов

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Л. НИКУЛИН

НАШ ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННИК

«Слушая его рассуждения об иностранной политике или о политике его страны, можно было его принять за мужа, состарившегося в общественных делах, ежедневно читающего прения всех парламентов.

«Друг Пушкина»

(Адам Мицкевич).

«Le globe» 25 мая 1837 г.

Поэзия и проза Пушкина сохранили всю свою прелесть и глубину до наших дней. Это утверждение, разумеется, не вызывает сомнений. Гениальные произведения сохраняют воздействие на читателя в течение столетий. Но особое внимание читателя вызывают и те работы гения, которым он не пророчил длительное существование.

Для литератора нашего времени мысли Пушкина о драме, о поэзии, некоторые размышления, касающиеся истории России, социального строя чужих стран, представляют великую ценность.

«Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин и велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки».

Эти строки взяты из статьи «О драме» (Разбор «Марфы Посадницы» Погодина). В этих нескольких строках драматург нашего времени находит кратчайшее и самое правильное определение трагедии: «судьба человеческая, судьба народная».

«Что нужно драматическому писателю? — продолжает Пушкин. — Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. **Свобода**».

Как бы в подтверждение своей мысли о том, «что нужно драматическому писателю», Пушкин в статье «О Викторе Гюго» пишет:

«Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным»...

...«Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается».

Так определяет Пушкин время Бомарше. Разве это не «государственные мысли историка», которые он требовал от драматического писателя?

В «Путешествии из Москвы в Петербург» (представляющем как бы полемику с Радищевым, автором «Путешествия из Петербурга в Москву») Пушкин дает картины эпохи, которую переживала Англия его времени:

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона».

Разве эти строки, написанные Пушкиным, не показывают нам образованнейшего человека своей эпохи, совершенно отчетливо представляющего себе социальный строй Англии, передовой по сравнению с отсталой Россией страны? Разве это не «государственные мысли историка» и величайшего драматического писателя, создавшего «Бориса Годунова»?

В той же статье Пушкин как бы мимоходом обнаруживает ясное понимание того, что происходит у него на родине, в России.

«... Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

Рукопись Пушкина, помеченная 2 августа 1822 г., написанная в Кишиневе, в период дружбы с декабристами Южного общества, содержит в себе характеристику эпохи Екатерины II. Вряд ли можно найти более справедливое и точное изображение этой эпохи:

«От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливое название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского * в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами. Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Эти строки были написаны в то время, когда царствовал любимый внук «развратной государыни», Александр I, когда ода, начинающаяся словами «Богоподобная царица Киргиз-Кайсацкия орды», считалась перлом русской поэзии. Не по адресу ли Державина писал тогда же Пушкин:

«Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна».

Кончаются эти «Исторические замечания» (так они были названы редакторами в те годы, когда уже Пушкина не было на свете) следующими словами мадам де Сталь, в переводе самого Пушкина:

«Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою».

Как известно, «удавка» ограничила самовластие Павла I.

Так писал двадцатитрехлетний вольнодумец Пушкин.

В главе «Русское стихосложение» (из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург») мы находим поучительные строки Пушкина-критика:

«Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. **Пламень** неминуемо тащит за собой **камень**. Из-за **чувства** выглядывает непременно **искусство**. Кому не надоели **любовь** и **кровь**, **трудный** и **чудный, верной** и **лицемерной**, и проч.».

Когда перечитываешь стихи В. Маяковского, чувствуешь титаническую борьбу поэта, борьбу за рифмованный стих. В «Разговоре с фининспектором о поэзии» Маяковский писал о том, что может быть только в Венецуэле найдутся две, три новые рифмы. Маяковский выходил из этого трудного положения поистине с виртуозным блеском. Если он и не обратился к белому стиху, то во всяком случае понимал всю трудность поисков новой, своеобразной формы стихосложения.

В повседневных трудах Пушкина-публициста, Пушкина-критика мы слышим голос нашего великого современника, хотя этот наш современник и жил более ста лет назад.

* Домашний палач кроткой Екатерины. **Примечание Пушкина.**

К. ЧУКОВСКИЙ

Пушкин и некрасовский Минай

В начале шестидесятых годов в близких к Некрасову литературных кругах начался поход против Пушкина.

Модный в то время писатель Николай Успенский выразил очень распространенное мнение этих обширных кругов, когда заявил в разговоре с Тургеневым, будто Пушкин всю жизнь только и делал, что барабанил в стихах:

На бой, на бой, за святую Русь!

Это враждебное отношение к Пушкину было до такой степени типично для некоторых кругов молодежи шестидесятых годов, что Тургенев, создавая Базарова, вложил ему в уста ту же самую фразу о Пушкине, как о барабанном поэте.

Некрасова в этих кругах ставили гораздо выше Пушкина. Некрасов был смущен их поклонением. Еще в 1856 году он возразил одному из неумеренных своих почитателей:

Так, я, по-твоему, великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи, пожалуйста!?

И когда тот стал доказывать ему, что его поэзия выше пушкинской, Некрасов заметил о нем в одном из писем к тому же Тургеневу: «Либо он сам глуп, либо меня почитает величайшим глупцом».

Перед Пушкиным он всегда преклонялся, и достаточно прочитать его «Княгиню Волконскую», чтобы увидеть, как обаятельна была для него личность Пушкина.

Именно в то время, когда в некоторых кругах передовой молодежи имя Пушкина вызывало одно лишь презрение, Некрасов счел своей обязанностью прославить его, и даже не от своего лица, а от лица простолюдина, «мелкой сошки», типографского рассыльного Миная.

В разговоре Минай упомянул между прочим журнал «Современник». Этот журнал был звеном, непосредственно связывавшим Некрасова с основателем «Современника» Пушкиным, так как через десять лет после гибели Пушкина редактором его журнала стал Некрасов. Потому-то рассыльный и говорит между прочим:

С «Современником» нянчусь
давно:
То носил к Александру
Сергеичу,
А теперь, уж тринадцатый год,
Все ношу к Николай
Алексеичу —
На Литейной живет.

«Николай Алексеич», живущий «на Литейной», — он сам, Некрасов. Конечно, рифмуя свое имя-отчество с именем-отчеством Пушкина, он иронизирует по адресу профессионала-рассыльного, у которого для писателей своя собственная табель о рангах. Но из дальнейшего явствует, что в одном отношении «Александр Сергеич» и вправду представляется «Николай Алексеичу» близким собратом: собратом по тем бесчисленным пыткам, которым обоих подвергала цензура.

Тут была преемственность полная.

В стихах Некрасова рассыльный рассказывает что когда он приносил Пушкину корректуры его сочинений, тот, видя, что они перемараны красными чернилами цензора, приходил в исступление и обрушивался раньше всего на рассыльного:

...попрекал все цензурою.
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя
корректурою:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— Это кровь, говорит,
проливается,
Кровь моя, — ты дурак!

Пушкин, как жертва цензуры, — этот образ шел совершенно вразрез с тогдашними представлениями о великом поэте, ибо в ту пору, как это ни чудовищно, считали, что он — заодно с цензорами, — опора и поборник того строя, который защищает цензура.

Но Некрасову образ Пушкина как цензурной жертвы был роднее всего, потому что сам Некрасов тысячи раз испытывал такие же приступы гнева, когда цензор кромсал корректуры его «Современника».

«Возмутительное безобразие, в которое приведена (цензором) ваша статья, испортила во мне последнюю кровь», — писал, например, он незадолго до того Льву Толстому, когда цензура искалечила «Ночь в Севастополе». — «До сих пор не могу думать об этом без тоски и бешенства».

Тоска и бешенство. Выразителем этих некрасовских чувств Некрасов в своих стихах сделал Пушкина.

В то время, к началу шестидесятых годов, в критике установились вульгарные штампы: «Некрасов — поэт-гражданин», а «Пушкин — певец красоты».

Изображая Пушкина, задыхающимся в цензурных тисках, Некрасов тем самым разрушал эти штампы.

Можно не сомневаться, что эпизод с корректурой передан Некрасовым верно. Подобных эпизодов он никогда не выдумывал. Еще Чернышевский свидетельствовал о его умении с максимальною точностью воспроизводить в стихах услышанные им чужие слова. Типографский рассыльный Минай существовал в самом деле. Этот темный, малограмотный старик понял и по-своему выразил самую сущность характера Пушкина. Пушкин в его рассказе — вспыльчивый, благородный и щедрый.

Щедрость Пушкина он прославляет не в каких-нибудь выспренних фразах, а по-простонародному, очень конкретно:

Походил я к Василью
Андреичу,
Да гроша от него не видал, —
Не чета Александру
Сергеичу:
Тот частенько на водку давал.

Словом, в двух поэмах, где у Некрасова выведен Пушкин в качестве живого персонажа, ему придан чарующий облик человека щедрого, простого, горячего, свободолюбивого, любящего, вдохновенного, мужественного — то-есть именно такого, каким ощущает его наша эпоха.

Портрет А. Пушкина работы Павла Соколова

Н. ТИХОНОВ

Подвиг вдохновенья

Любовь поэта и народа взаимна. Народ, на своих бескрайних полях, среди горя и нищеты, носивший неизменную мечту о грядущем царстве счастья, народ, ввергаемый в каторгу невольничьей жизни, имел душу борца и мученика, душу богатыря и неутомимого работника. Немногие в то время отнеслись к нему, как к брату. Многие отвернулись от него и его горестей, не поверив в него, стыдясь его, не понимая.

Пушкин любил народ преданной и умной любовью. Народ не хотел душить поповским ладаном свою жажду воли. Народ искал не попа в вожди, он искал Разина, Пугачева. Он сокрушил сам иноземцев, стремившихся его вдвойне поработить. Он гнал ляхов и армии двунадесяти языков и ливонских рыцарей-грабителей. Народ победил при Полтаве, народ выгнал Самозванца из Кремля, народ сложил сам предания и былины и песни и сказки о своих трудах и подвигах. С детства Пушкин был согреваем его дыханием. И сейчас свободный народ встречается со своим бессмертным сыном.

Не каждое столетье родятся такие исполины, работу которых сразу глазом не окинешь, глубину мыслей с одного взгляда не постигнешь.

Доживем мы до мирового коммунизма, как дожили до социализма, и в расцвете своих сил и побед родит народ русский нового гения, уже по-другому неисчерпаемого и по-другому многообразного.

Ныне, когда мы погружены в воспоминания исторические, мы день за днем читаем жизнь, прерванную предательским выстрелом. Мы заново в нее входим.

Не сразу мужает даже гений. Период ученичества, юности, буйства сил, еще не организованных, но уже удивительных, сменяется трудами зрелого мастера.

В это время как особое видение возникает вдруг период, раскрывающий как будто все напряжение поэта во всех его устремлениях и намерениях, как будто мы допущены присутствовать при самых тайнах его творчества, как будто именно в этот период он представляет всю совокупность своих возможностей, сверхтитаническим напряжением доказывая нам свое почти беспредельное могущество.

Мы удивлены и подавлены. Так работать мы не умеем и не можем.

Таким раскрытием для нас например является чудо Болдинской осени 1830 года. Не в богатой вилле у теплых вод, окруженной волшебной природой, среди друзей и пиров находился поэт.

Жил он в маленьком, нищем селе, питаясь щами и кашей — пищей народа, — окруженный холерными карантинами, в дождливые октябрьские и ноябрьские дни. Какая-то неистовая сила, какое-то бешенство труда овладели поэтом.

Стихи как будто пишутся сами, рвутся из рук—воображение свой «пестрый мечет фараон». Стихи уходят — является дух прозы, день за днем возникают повести Белкина. Первая русская реалистическая проза. Мещане, крестьяне, чиновники, гусары, авантюристы толпятся на тесных страницах.

Маленькие люди, о которых никто не писал, начинают жить в литературе, получают свой голос.

«Станционный смотритель», «Гробовщик», «Барышня - крестьянка», «Выстрел», «Метель», написанные загадочным Белкиным, лежат на столе, Пушкин утверждает, что писать надо именно так: коротко, ясно, просто. Даже стихи этого периода изображают пейзаж, не радующий глаз, но как бы созданный для фона повестей.

Да, все мрачно, но он работает в восторге.

«Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения не существует».

Здесь в Болдине восторг и вдохновение вместе. Планы многих лет хотят быть осуществленными именно сейчас — без передышки, без отдыха. Здесь кончен «Евгений Онегин». Кончено фактически описание собственной жизни за все годы от изгнания на берег теплого моря до псковской глуши, от Москвы и Петербурга до Болдина. Заново в восьмой главе, позже переменившей нумерацию, отправляется Онегин в путешествие по знакомым маршрутам. Многое изменилось. Воспоминанья — спутники этого путешествия.

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!

Нет, еще вспыхивают эти тревоги, перо дышит гневом, память становится судьей, родится новая песнь романа, которой не жить. Перо падает. Этого **нельзя** печатать.

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть...

Нет, это даже хранить опасно — и огонь пожирает десятую главу романа. Конец романа вспыхивает в синеватых отсветах камина. Буквы еще черны, потом они становятся красными и падают пеплом, — и только зашифрованные осколки строф остаются среди бумаг на столе.

Но дальше мчится подвиг вдохновенья. Одна за другой пишутся маленькие пьесы в стихах.

Вся печаль, все несовершенство мира — в картинах иных веков, так безопасней; но все такое сегодняшнее — как будто человечество не может покинуть темных ловушек, расставленных роком,—и если ловушка меняется, то это только хитрость для продления мучений.

Скупой рыцарь стоит перед Альбером, отец и сын готовы вцепиться друг в друга, поразить насмерть один другого. «Ужасный век — ужасные сердца»—это можно сказать и ему в Болдине, и не будет ничего странного в этом.

Сальери, завистник, отравляет Моцарта в расцвете его таланта, и Каменный гость убивает восставшего против людей и неба Дон-Гуана, чума встает тенью над миром — мрачные карантины там недалеко уже за Болдиным — душа тоскует как никогда:

Спой, Мери, нам, уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, чем тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Да, стоит только оглянуться — вот он «дикий рай страны твоей родной», и тишина ночи не о них ли говорит зловеще: о друзьях, которых надо вспомнить:

И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв...

А рядом тихий, угнетенный, нищий народ со своей вековечной мудростью и силой непонятного ожидания и с языком, на книжный не похожий. Он не дурак, этот народ. Он притворяется Балдой, но никакой чорт его не проведет. Вот она, сказка о попе и работнике его Балде, написанная вчера.

Уже много написано, так что потом сто лет будут удивляться этой болдинской осени, золотому времени труда, но все еще мало написано.

Там, в столицах, споры, литературные враги готовят пасквили — надо им ответить. И вот ответ критикам— статья, которая наделает шуму, чтоб враг по когтям узнал его в минуту, как он однажды написал. Снова к стиху — но без полемики еще тут, сатира просится в атаку. Пусть это будет только шуткой, и великий Байрон — черный вождь меланхолии — шутил подчас изрядно, он «Беппо» написал. Напишем русскую городскую сказку. Нужны новые слова для стихов такого порядка — не будем очень в претензии на стихи и на слова простые.

В пять дней воздвигнут причудливый и пестрый «Домик в Коломне». Это там происходит действие на конце империи — в далеком Петербурге, а здесь, за окном,—пустынная Россия.

От ямщика до первого поэта
Мы все поем уныло...

Будет конец этой старой России, улегшейся тысячами таких Болдиных по всей шири между семи морей? Надо, чтобы опять заговорил смиренный Белкин — пусть пишет он: в сей крайности пришло мне на мысль: не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?

Чудесные записи из списка источников, особенно одна, отличается ясностью и краткостью слога, например:

4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 — корова бурая пала, Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит по погоде.

«Страна не имеет столицы своей Горюхиным называемая...» О, дни и ночи благословленного поэзией Болдина. Никак не поймем мы, как можно было в два месяца так богатырски обогатить нашу словесность. Кто знает, не повторилась бы еще раз такая осень в жизни позже, если б он остался еще жить. Нет, все дальше шло, как по нитке, в том лабиринте, где путь вел только к гибели.

«Страна по имени столицы своей Горюхиным называемая...» Придет ли ей конец? — спрашивал он, — слушая в бессоницу жизни мышью беготню.

Конец пришел. Нет больше Горюхинской страны — есть могучая и цветущая страна Советов, надежда народов всего мира, оплот трудящихся, которая сегодня празднует в славе и любви своего первого и непревзойденного поэта — Александра Сергеевича **Пушкина.**

М. ШАГИНЯН

Пушкин в колхозе

1

Город Ульяновск замечателен тем, что в нем очень много старой истории и с него начинается новая история. Новая начинается с дома на Стрелецкой улице, где родился Владимир Ильич, а старой сколько хочешь на каждом шагу. Здесь и дворянский особняк Языковых, и красный купеческий дом Гончаровых, и минаевские, тургеневские, карамзинские места вокруг, и жили масоны, и гостила царица Тамара, и приезжал Петр Первый, и приезжал Пушкин. Если начать рассказывать об Ульяновске, можно три дня не кончить. Так вот, в двадцати верстах от него стоит по косогору небольшое село Кременки, а в нем колхоз «Первенство». Село, если приехать зимой, — голая пригоршня великорусского типа изб, хмуроватых, прямоугольных, со скатной крышей, никак не похожих на южные «мазанки» с их глиняными побеленными заборами и вишней в саду. Кременки ничем решительно не знамениты. Правда, сюда в восьмидесятых годах приезжал на долгушах инспектор народных училищ. Но этот человек ездил по всем деревням своей губернии, а в Сенгилеевском уезде помнят его десятки сел, помнит и Белоключье, и Лукино, и Под'ячево, и сам Сенгилей. Есть старики, которые рассказывают, как он вылезал у ямской избы из саней, собирал сход, как занемелыми от мороза губами картавил быстро, горячо, убедительно, и тут же постановляли всем сходом открыть школу, — этот человек был Илья Николаевич Ульянов. Но Кременки, хотя он и ездил туда, Ильи Николаевича не помнят.

Колхоз «Первенство» тоже ничем особенно не выдается. Хоть он и считается передовым, но многие другие вокруг тоже считаются передовыми. На трудодень выдают в нем, кроме всего прочего, яблоки, — ульяновский край — яблочный край, и в каждой избе их мочат и угостят вас моченым яблоком. Еще в Кременках имеется неполная средняя школа, директором школы — комсомолец Алексей Михайлович Круглов. И вот этот колхоз, ничем особенным не замечательный, устроил и провел в ночь под 1937 год конференцию, посвященную памяти Пушкина.

Из газет нам известно, что такая конференция не новость, их уже устраивали в нескольких деревнях. Но кременской посчастливилось: местные газетные работники, чередуясь, с карандашом в руках успели ее почти всю записать дословно. Мы поэтому можем уже **изучить** ее материалы. И если раньше газеты, сообщая о факте, делали ударенье на нем самом, то есть на том, что колхозник **читает** Пушкина, Пушкин **вошел** в колхоз, — то сейчас, благодаря кременской конференции, мы уже видим, **как** читает колхозник Пушкина и **что** именно он в нем схватил и выделил.

Ведь не только книга, а и самое чтение может быть **законсервировано.** Есть замечательное русское выражение: «за семью печатями». Чтение, его установившийся обряд, может запечатать любую книгу семью печатями.

Для того, чтобы наше время смогло сказать о Пушкине свое слово, нам надо не умножать бесконечно во всех видах и жанрах старое чтение Пушкина, обряд, законсервировавший нам его тексты, а прислушиваться к тому, как эти тексты читает новый в нашей стране человек, что он из них вычитывает и как он ими жизненно пользуется. Скажут, — нельзя слушать Пушкина с голоса малограмотного человека, мы призваны учить этого человека, ставить ему голос, раскрывать ему глаза на Пушкина. Но я спрашиваю: видели вы этого малограмотного пушкиниста? Слышали его? Нет? Так посмотрите и послушайте.

2

Идея пушкинской конференции в Кременках родилась через школу. Ребята «проходили в классе Пушкина»; они вздумали «читать вслух родителям»; на чтенье «стали сходиться соседи», для удобства «читку перенесли в избу-читальню», — вот краткая схема развития колхозного пушкинизма, вероятно и не в одних только Кременках.

Но когда мысль созвать конференцию в своем клубе и сообща потолковать о поэте оформилась, то оказалось, что на селе есть и местные силы. Заведующий избой-лабораторией, колхозник Александр Дмитриевич Аверьянов, уже не первой молодости человек, на досуге читал Пушкина, знаком даже с книгой Тынянова. С детства его тянуло на книгу, и колхозники поставили его заведывать избой-лабораторией. Молодой талантливый Синявин поглощал на досуге десятки книг. Но и самые занятые колхозники: председатель колхоза Егорычев и председатель совета Вятсков — тоже оказались в числе пушкинистов. Те зачитывались и набирали знанья на досуге, а эти работали, организовывали людей на селе и полевом стане и тоже копили опыт. Как дошло дело до конференции, им оказалось очень легко взять тему и обдумать доклад.

На конференции в Кременках мы, таким образом, встретились не с однородной и безликой группой «сельской интеллигенции», а увидели среди докладчиков представителей разных оттенков этой интеллигенции. Надо еще прибавить, что первые докладчики (Аверьянов, Синявин и др.) были беспартийными, а вторые (Егорычев и Вятсков) — партийцы. Чуть не за день до конференции к ним прибавился старый колхозник Карпов.

Этот пожилой человек со слегка встрепанным и лукавым лицом мужичка (остальные выбриты, стрижены, одеты по-городскому — пиджачная пара, брюки в валенках, свитеры) обнаружил вдруг особый дар. Пришел в избу-читальню, оперся на палку и тут же продекламировал чуть ли не всю пушкинскую «Полтаву» наизусть. С «Полтавы» перешел на другие стихи и незаметно заговорил собственными ямбами. Его тотчас включили в конференцию, и он на ней читал своего сочиненья стихи, посвященные Пушкину. Так составилась программа: пять докладчиков-колхозников, мальчик Шура Маврин из колхозных ребят и двое местных учителей, один — орденоносец. А местные учителя — это те же колхозники, большею частью питомцы ульяновского Педагогического института.

3

И вот мы сидим в зале колхозного клуба и готовимся слушать. Клуб бревенчатый. Лампы под потолком маленькие, керосиновые. Места мало. На дворе мороз 15 градусов, холод течет в щели, а в клубе жарко: сидят и стоят плечо к плечу шестьсот человек. Пришли гости и из соседних колхозов, приехали городские.

Слово принадлежит первому докладчику, Александру Дмитриевичу Аверьянову, — «Жизненный путь Пушкина». Честно признаюсь, мы с соседкой, слушая эту первую речь, не могли удержать глаза на сухом месте. Реакция была эмоциональная, сразу на все — на это лицо с начесом, бритое, городское (но спусти волосы, остриги их скобкой, спусти бороду, натяни зипун, — и вот он, старый, забитый, излукавившийся от горькой нужды некрасовский мужичок. А мужичка и нет! Стоит, смотрит на вас прямым взглядом, говорит свободною речью, без текста, без всякой бумажки в руках, рассказывает жизнь Пушкина, знакомую вам до оскомины, но рассказывает, превращая ее почти в легенду, — совершенно уже новый человек). Аверьянов начал: родился там-то и там-то, родители такого-то роду,

«между собой говорили только по-французски. Родной свой язык считали подлым. Если б не нянька, Арина Родионовна, из наших, из крестьян, — пропал бы Пушкин Александр Сергеевич для народа. Нянька обучила его правильной речи, дала ему понятие, как народ живет и чем дышит».

Уже с этого лейтмотива началось расхожденье у Аверьянова с тем, как мы, русские читатели, сто лет читали и читаем биографию Пушкина. Первым прочел ее для нас в своем надгробном слове Лермонтов, и на сто лет именно это чтенье и **звучало правильно.** По этому чтению мы давали выход **горечи,** искали, как шаг за шагом поэт **погибал,** видели и находили, исследовали и называли все **темные силы,** служившие его гибели, загонявшие его в смерть. Биография Пушкина была для нас биографией трагической. И отзвуки того, как читали ее мы, у Аверьянова тоже остались, но остались в чужих, взятых у консультанта и легко, сразу же распознаваемых фразах. А там, где он говорил от себя, он проявил совершенно **другой** интерес: какие силы, какое доброе вмешательство **не дали погибнуть Пушкину,** сделали его тем, что он есть, — вот о чем повел речь колхозный докладчик. Обороты его против воли смахивали местами на эпос:

«Готовили из него крупного чиновника, а хвать — вышел народный поэт. И не знал царь, что теперь делать с Пушкиным».

И невольно встает перед вами то, о чем вы раньше как-то меньше думали, — встает хоть и спящая, но великая сила народа, встает русская деревня, добрая сморщенная ладонь как будто слабенькой старушки, но ты не смотри, что она слаба, — это — «наша»; и цыгане у костра — это «наш брат»; и чеченка, и чеченец в своем ауле работник, — **это ведь** тоже «наш брат». А на той стороне — французское чванство, господские фасоны, царь. И борьба предстает уже в другом свете: наносное, чужое мешает Пушкину, а свое, родное, помогает Пушкину, насыщает его, встречается ему на каждом шагу его жизни, подобно разным веточкам, ручейкам и львиным головам в сказках, которые помогают спастись и выбраться. И думаешь, как же богато и счастливо жил Пушкин по сравнению с тем, как жил другой какой-нибудь человек его круга. Сколько мест из'ездил, народу перевидал, и какая же силища был этот Пушкин.

«Царь пытается так и этак сжить Пушкина. А Пушкин пишет и пишет. Видя, что ссылками не покорить Пушкина, царь принялся с другого конца. Вызвал его к себе и говорит: я тебе прощаю вольность твоего юношества. Буду сам твоим цензором. Думал царь — перейдет поэт на его сторону. Но Пушкин и на эту удочку не пошел. Хоть он и был дворянин, хоть царь и пожаловал ему чин, но не удалось заполонить поэта, направить его мысли».

Другой — не трагический, а веселый и сильный Пушкин. И слушая речь докладчика, смутно, каким-то тайным проблеском думаешь, что ведь Пушкин и действительно был отчаянно веселый человек в жизни, почему же мы, люди моего круга, перестали это в нем ощущать?

Но как же смерть? Аверьянов и про нее нашел совсем другие слова:

«Тут царь Николай разгневался, но прямо напасть на Пушкина не решался. А царские прислужники наняли проходимца, приемыша бельгийского посла, тот и побился с Александром Сергеевичем на дуэли... Так **по-глупому** сто лет назад тридцати семи лет отроду и погиб человек».

Это было сильно, искренне, убежденно рассказано колхозником, а консультант сидел в зале и разводил в растерянности руками («не по конспекту!»).

Было ли правильно старое чтение биографии Пушкина? Да. Судьба поэта, загубленного царизмом, была трагична, и мы, жившие при царизме, видели его судьбу именно с этой ее трагической стороны.

Правильно ли передал биографию Пушкина колхозник? А почему же нет? Ее передал тот, кто свергнул и раздавил царя, свергнул и раздавил частную собственность, кто отпраздновал новый закон, — право на труд и долг труда. Судьба Пушкина **не только трагична.** И разве этот новый человек в его собственном новом мире не смеет увидеть великого народного поэта с той стороны, с какой он ему понятней? И разве Пушкин все же, **несмотря** на царизм, не стал Пушкиным? Биография, данная колхозником, тоже правильная. Но это новая биография и более **полная** биография.

Когда Аверьянов под град аплодисментов ушел с эстрады, ему навстречу оживленно и радостно поднялся другой докладчик, тоже имеющий что «сказать от души».

4

Темой своей Николай Иванович Егорычев, председатель колхоза, взял сравненье «Деревня пушкинских времен и социалистические Кременки». Егорычев — партиец. Он воспитан на чувстве разницы двух миров; привык сопоставлять. И первое время кажется, будто его речь только вводит обычный корректив в речь Аверьянова и ничего больше: наместо аверьяновской народной силы, оберегавшей веселого богатыря Пушкина, опять появляется «рабство дикое», «заклейменное Пушкиным», «описанное поэтом во всем его бесправии». Егорычев вряд ли имел время перелистать Пушкина «от доски до доски». Его жена Нюра, сидящая рядом с нами, говорит: «Больно уж его загрузили: и парторг, и бригадир, и председатель, чуть ли не каждый день вызывают в город». Но даже и в такой спешке, едва заглянув в Пушкина, он выискивает в нем **свежие** примеры, толкуя их по-своему:

«Помещик аккуратно записывал в дневник, какая нынче погода и какой из крепостных был на сегодняшний день бит. Картина яркая, товарищи».

Откуда это? Из «Истории села Горюхина». А Егорычев идет дальше, он раз'ясняет, что такое дворовые крестьяне, работавшие на помещиков, «при их дворах».

«Об их положении можно судить по «Капитанской дочке». Там описан тип слуги, Савельич. По натуре человек он хороший, душа-человек. А что же с ним сделали хозяева? Поехал Савельич со своим хозяином в Оренбург. Там оба попали в плен Пугачеву. Стал Пугачев вешать его хозяина, а Савельич предлагает Пугачеву вешать себя вместо него. Это холуйство — тоже результат помещичьей власти. На месте Савельича каждый из нас пошел бы с Пугачевым, а он вступился за помещика».

Няня Татьяны «спокойно повествует, как ее двенадцати лет просватали». А какая же у нас старуха станет об этом «спокойно повествовать»? Но вот Егорычев от Пушкина переходит к проигрыванью крестьян целыми деревнями в карты, к обмену их на собак, к тому, как заставляли женщин кормить грудью щенков, как «в порядке издевки давали своим крепостным какие хотели фамилии», — да что далеко ходить:

«Вы должно быть знаете, что дед нашего председсельсовета был сослан в Вятку. Его настоящая фамилия Кузьмин, а с тех пор за ним закрепилась кличка Вятсков».

Егорычев заговорил о родном селе, о людях этого села, о социалистическом труде, и «как мы раньше, помните, товарищи, батрачили на своих кулаков, Ершова и Рябова», — а теперь «труд стал иным». «Мы позором считаем, что у нас еще 38 неграмотных, а ведь раньше поголовно вся деревня была неграмотная!». И какие выросли люди:

«Вы знаете тов. Заворотkина, помощника командира полка по политчасти? Он кончил высшую политическую школу. Мог ли раньше крестьянин мечтать об этом? А Миша Сазонов? Был батрак, а теперь учитель средней школы. А помните рассказ няни

Окончание см. на 7 стр.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Н. СВИРИН

Первые прозаические опыты

Широко распространен взгляд, согласно которому Пушкин **впервые** начал знакомиться с народным творчеством лишь в 1824 году, в селе Михайловском. Это распространенное мнение не совсем соответствует действительности. Переезд в Михайловское лишь закрепил и углубил интерес к народной жизни и к народному творчеству, достаточно определенно проявившийся у Пушкина еще в Кишиневе, в южной ссылке.

Здесь же, в Кишиневе, Пушкин впервые начинает знакомиться с местным народным творчеством. Он внимательно прислушивается к местным молдавским песням и две из них записывает и художественно перерабатывает («Черная шаль» и песня Земфиры в «Цыганах»). В черновиках «Цыган» сохранились начальные слова еще одной молдавской песни, которые Пушкин предполагал использовать в качестве эпиграфа к поэме: «Мы люди смирные, девы наши любят волю, — что тебе делать у нас?» О работе Пушкина над старинными молдавскими преданиями мы знаем лишь из воспоминаний И. Липранди, с которым поэт, как известно, был очень близок в Кишиневе. Пушкин записал две современные ему молдавские народные песни о героях восстания 1821 года — Тодоре Владимиреско и Бим-Баши Савве (записи эти не сохранились). А со слов участников этого восстания — Василия Каравия, Дуки и Пендадеки — Пушкин записал два старинных молдавских предания XVII века, совершенно не освещенных в пушкиноведческой литературе.

Вот что рассказывает Липранди об этом интереснейшем эпизоде в творческой биографии Пушкина.

«Каравия, Пендадека и Дука были отвержены кишиневским греческим обществом; но я не находил нужным делать того же, напротив, как говорится, притолубил их, особенно Дуку, и в частых беседах с ним навлекал из него то, что мне было нужно.

Пушкин часто встречал их у меня и находил большое удовольствие слушать и толковать с ними. От них он заимствовал два предания, в несколько приемов записывал их, и всегда на особенных бумажках. Он уехал в Одессу. Через некоторое время я приехал туда же на несколько дней и, как всегда, остановился в клубном доме у Отона, где основался и Пушкин. Он показал мне **составленные повести**; но некоторые места в них показались ему неясными, ибо он просто потерял какой-либо лоскуток, и просил меня, чтобы я вновь переспросил Дуку и Пендадеку и выставил бы года лицам, точно ли они находились тогда в Молдавии. Рассказчики не знают, «С прозой беда!» присовокупил он, хохотав. «**Хочу попробовать этот первый опыт**»[1].

Таким образом на материале молдавских преданий Пушкин делал первые свои опыты в области художественной прозы, в этом их особый принципиальный интерес. О дальнейшей судьбе этих записей Липранди рассказывает следующее: «Месяца через два потом, когда я был в Одессе, Пушкин поспешил мне сказать, что он все сказания привел в порядок, но, не будучи совершенно доволен, отдал прочитать одному доброму приятелю (кажется, Василью Ивановичу Туманскому) и обещал взять от него и показать мне. Он это исполнил на другой день, прочитал сам, прося, если он в чем сбился, и я помню рассказ, то ему заметить. Сколько я помнил, то поправлять слышанное мною было нечего... Чтобы польстить Пушкину, я просил позволения переписать и тотчас послал за писарем; на другой день это было окончено. В рукописи Пушкина было уже много переделок другой руки, и он мне сказал, что в этот же вечер опять отдает оную на пересмотр, что ему самому как-то не пишется. Что сделалось потом, я не знаю, но у меня остались помянутые копии, одна под заглавием: «Дука, молдавское предание XVII века»; вторая: «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года».

До нас не дошли не только подлинники пушкинских записей, но и копии, составленные И. Липранди. Не имея понятия об их содержании, историки литературы всегда очень глухо и мимоходом упоминали о записанных Пушкиным молдавских преданиях. Однако мы можем иметь некоторое представление о том, что именно записал Пушкин, так как в 1830 году молдавское предание о Дуке опубликовано было в «Вестнике Европы» (№ 23—24) румынским писателем Александром Хиждеу. В пушкиноведческой литературе публикация Ал. Хиждеу не была использована.

В предании речь идет об исторической личности — о жестоком и сребролюбивом молдавском господаре Василии Дуке, угнетавшем народ во второй половине XVII века.

Сопернику Дуки, Стефану Петричейко, удается захватить злодея Дуку. Закованный в колодки, в изодранном армяке, Дука проезжает в простой телеге через деревню. Навстречу ему попадается крестьянка с кувшином молока. Дука просит ее утолить его жажду. Старуха отвечает: «Не могу, несу молоко своим голодным детям. Ты верно и сам слышал о сребролюбии господаря Дуке. Он разорил богатую Молдавию». Но затем, принимая колодника за одну из жертв жестокости Дуки, она дает ему молока, прибавив при этом: «Если в сие самое время злой губитель ликует, то да превратится сладкий напиток в отраву для него». Дука выпил молоко... и начал исходить кровью. Труп злодея похоронили на берегу Днестра. Не цветут цветы на его кургане, не летают мимо его голуби и горлицы. «Одни змеи водятся в высокой траве, и изредка воет уныло сова на ветхом обломке креста».

■ ■ ■

Вот, в общих чертах, содержание молдавского предания, записанного Пушкиным; вот тот материал, на котором он впервые пробовал свои силы, как прозаик[2].

Чем могло заинтересовать Пушкина это предание? Прежде всего — своим драматическим сюжетом и романтическим колоритом. Поэт в эти годы переживал еще период романтических увлечений. Об интересе его к романтическим преданиям лучше всего свидетельствует написанная в эти же годы поэма «Бахчисарайский фонтан», в основу которой положена крымская легенда о похищенной польской княжне. Но, в отличие от крымской легенды, молдавское предание насыщено острым социальным содержанием. Ненависть народа к своим угнетателям выражена здесь с необыкновенной силой.

Предание о Дуке отнюдь не чуждо было Пушкину. Проблема деспотизма, тема «народ и властитель» разрабатывается им в эти годы в различных аспектах, в разных жанрах. В 1825 году поэт ставит эту тему в драме «Борис Годунов», разрешая ее на совсем ином материале и совсем другими средствами.

Пушкин не механически записывал молдавские предания, а пытался художественно их переработать. Об этом ясно свидетельствуют некоторые места в воспоминаниях Липранди, например: «он (Пушкин) показал мне **составленные им повести**»; или: «не вижу в собрании его сочинений даже намека **о двух повестях, которые он составил из молдавских преданий**». Из этих же воспоминаний следует, что Пушкин работал над молдавскими преданиями очень упорно; выверяя точность своих записей, несколько раз переделывал их, давал выправлять кому-то из литераторов (кажется, Туманскому) и т. д.

И все же первый прозаический опыт не удался. Зная теперь содержание легенды о Дуке, мы можем догадываться о причинах этой неудачи. Романтический сюжет и колорит молдавских преданий требовали соответствующих языковых средств. В поэтических жанрах Пушкин располагал этими средствами, об этом свидетельствуют его замечательные романтические поэмы. Но — «с прозой беда!» Пушкин справедливо жаловался в те годы на невыработанность языка русской прозы. «Проза наша так еще мало обработана, — писал он в 1824 году, — что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных». Приподнятый, чопорный, жеманный стиль «карамзинистов» Пушкина не удовлетворял, он боролся за простоту, точность и краткость языка. Но изложить простым и точным языком романтические по своему характеру молдавские предания Пушкин тогда еще не был в состоянии. Это удалось ему лишь в тридцатых годах, когда он с замечательной простотой, без всякой аффектации рассказал романтическую историю молдавского удальца Кирджали.

[1] «Русский архив», 1866 г. № 8—9. Подчеркнуто мною. — Н. С.

[2] Второе из записанных Пушкиным преданий («Дафна и Дабижа») связано также с Дукой — с тем периодом, когда он был еще придворным боярином, а не господарем.

Пушкин и Жуковский. Рис. Г. Чернецова (1832 г.)

«Дуэль Онегина с Ленским». Рис. П. Соколова. (Из иллюстраций к «Евгению Онегину»). Воспроизводится с подлинника. Из собрания Н. Смирнова-Сокольского.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Поэт

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета проходит за четой.

В самую что ни есть простую строфу четырехстопного ямба Пушкин уместил пластическое изображение танца на три четверти, головокружительный, щемящий мотив. И тут же рядом, через десять строк, в следующей онегинской строфе — скачущий темп мазурки.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромном зале все дрожало,
Паркет трещал под каблуком...

Такие примеры можно разнообразить и увеличивать без конца. О технологии пушкинской поэзии написаны томы исследований. Их анализ увлекателен и может многому научить. Нас интересует другое. Перед нами такая степень владения материалом, мыслью и чувством, когда могут и не возникать соображения о тренировке, о том, что «гармония» поверяется «алгеброй». Перед нами результат, совершенство, так называемая простота. Чтобы понять и оценить эту простоту, надо знать дорогу, ведущую к ней. Где корни сокрушительной искренности Пушкина, его интонационной свободы, власти над языком, летучей и напряженной энергии? Чем об'ясняется его быстрый рост? Уже к двадцати годам было ясно, что он опередил и сверстников и литературных учителей. Все ли относится на долю гениальности — свойства туманного и не подлежащего учету? Так может спросить не только биограф или литературовед, но и каждый, кто творчески читает Пушкина, каждый, кто пытается следовать за Пушкиным в своей работе, какова бы она ни была. Таких читателей — большинство, в особенности молодых читателей, в особенности в наше время.

Мы можем отчетливо представить себе молодого Пушкина, его характер — живой, общительный, открытый всем страстям, высоким и низким. Мы знаем его ранние дружбы, влияние этих дружб на складывающееся сознание юноши. Мы знаем груды прочитанных им книг, беспорядочно и порывисто освоенную культуру просветительного века. Он смело ориентировался среди всех этих античных, французских и русских имен. У него был безошибочный вкус. Начиная с первых опытов, он любил сталкивать высокое с низким, оду с эпиграммой, классическую мифологию с вольтерьянской иронией. Он по-своему расправлялся со всеми ходкими поэтическими жанрами. Он перерабатывал все быстро и жадно, разгрызая крепкими зубами любую отвлеченную схоластику, и снова требовал сырья, материала, топлива — идей, впечатлений, споров. Он сразу повел себя в поэзии как хозяин, чтобы организовать ее заново и образцово.

Перед нами множество позднейших пушкинских самопризнаний о начале поэтического пути. Они всегда правдивы и реалистически точны. Реализму не мешает присутствие условно-традиционной музы.

Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом,
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава...

Тяжкий, пламенный недуг... устраивает ли нас такое определение творческой горячки, понятно ли оно? Да, устраивает. Да, понятно. Творчество дается не легко, оно так же мучительно, как всякое рождение. Чем тяжелее, чем **пламеннее** это рождение, тем выше вырастает поэт.

Ретроспективно Пушкин создавал собственный миф о Музе. На самом деле было не так, — проще, знакомее, менее притязательно. Пошли рукописные лицейские журналы, весельчаки-приятели баловались рифмами, однажды мелькнуло белое платье «милой Бакуниной». Но доступней и потому еще милее был облик крепостной актрисы Натальи. И вот четырнадцатилетний, ловкий и смуглый мальчуган начинает довольно неуклюжими стихами:

Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я.

А потом, через десять или больше лет, воспоминание выкристаллизует формулу:

Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.

Но на что были направлены собственные усилия Пушкина, в чем он искал приложения своей энергии, чего он **хотел** в годы юношеского роста? Действенная воля, сознательно или полусознательно поставленные перед собой цели, — вот что интересует нас прежде всего.

Двадцати трех лет он записал в дневник: «Только революционная голова, подобная Мар (ату) и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Это—программа революционного художника. Мы знаем, до какой степени она не случайна для Пушкина. Расширять пределы выразительности языка, сделать язык прямым и гибким орудием мысли и чувства, ломать языковые штампы, гнать из речи обветшалое, мертвое, наносное, максимально приблизиться к народной речи — с этими сознательными, последовательными усилиями Пушкина мы встречаемся на каждом шагу, во всех областях его деятельности, едва ли не с самого начала. Это поистине его страсть, страсть художника-революционера. В ней он был нетерпим, требователен, принципиален, как ни в чем другом. Эту страсть можно обнаружить даже в его заметках на полях чужих книг. Общеизвестно, как встречали его поиски языка официальные староверы, да и не только они одни. Пресловутая рецензия Каченовского на «Руслана и Людмилу» выражает взгляды очень значительной части светского и чиновного общества. И, конечно, дело было не только в соблюдении салонных приличий. Каченовского испугало вторжение в «Дворянское собрание» неожиданного гостя «проказника» в армяке и лаптях, который вдруг крикнет зычным голосом «здорово, ребята!». Нам странно сегодня, что такую социальную опасность дворянский охранитель увидел в «Руслане и Людмиле». Но важно, что именно так, по Каченовскому, очень многие восприняли появление Пушкина, услыхав его стихотворную речь. За Пушкиным им мерещился гость в армяке, а может и похуже — в пугачевском тулупчике. И они в трепете затыкали уши, чтобы не оскорбить свой слух «подлыми» выражениями вроде:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду — не спущу.

Зато для других, для сверстников, для следующего поколения этот «подлый» язык стал равнозначащ вольному дыханию жизни, революционному предчувствию. И это еще **до** содержания, сверх того напора революционных мыслей и чувств, который несла в своем половодье пушкинская лирика.

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким
совершенством.

Так обращается председатель в «Пире во время чумы» к девушке. Мери начинает петь. По ее песне можно угадать и голос, — не очень сильный, высокий и чистый, почти безличный в смысле тембра. Он вибрирует только потому, что Мэри поет. Такой голос всегда кажется впаянным в пейзаж. Он — явление природы, как шум леса, ветер, морской прибой. Таким же представлял себе Пушкин голос Овидия, «голос, шуму вод подобный». И содержание песни, — будь она весела или грустна, будь ее слова на любом языке мира, — всегда одно и то же содержание. Она — **человечна.**

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

И в песне лондонской падшей девушки и в песне крепостного ямщика одно «дикое совершенство». Родственна им и та красавица, от которой Пушкин наслышался «песен Грузии печальной». К этим народным и чистым голосам Пушкина всегда тянуло с неодолимой силой. Он и сам участвовал в их перекличке—может быть, прежде всего своими сказками, и среди них тою гениальной, калмыцкой, которую рассказывает Пугачев. Это сказка об орлиной, степной воле. Раз в жизни, хотя бы ценою жизни, эта воля должна быть добыта. Эта сказка повторяется Пушкиным все в новых и новых модуляциях. Об этом же услыхал от орла узник: «Мы — вольные птицы, пора, брат, пора». Неверно, что эта «вольность» условна и декоративна, что она перешла к Пушкину от байроновских корсаров, от шатобриановских дикарей, от любой другой книжной романтики. Неверно. Вся южная ссылка Пушкина говорит о другом. Цыганский табор— это его жизненный опыт. Разбойника Кирджали он знал и любовался им. Даже Дубровский и Швабрин-Шванвич — это неизжитые возможности его короткой и опасной жизни. Многого не рассказал о себе этот человек. Правда, многого он и не сделал. Но он нес в себе в скрытом виде неосуществленные возможности, которыми наделял других. И если бы он прожил комнатной жизнью, об этом можно было бы и не упоминать. Но жизнь-то была далеко не комнатная! Как часто расстилалась перед ним свинцовая снеговая равнина, подорожная дворянской и чиновной тоски. «Только версты полосаты попадаются одни»... Это была свинцовая даль империи, бесконечный ледяной каземат. Он считал себя обреченным на странствие по всем российским дорогам, и знал, что странствие кончится случайно гибелью.

Его освобождало одно только творчество и заложенная в творчестве безумная, непомерная, жадная тоска о воле. «Онегин», «Годунов» и «Медный всадник» — три основных итога его жизни. Они уже почти легендарны для нас. Это эпос, оторванный от самого создателя, — такая за ним глубина и свобода. Пушкин виднее и ощутимее в другом, менее монументальном, — отчетливее всего в лирике и в сказках. Сказки — это его утопия, его мечта о будущем человечестве. Сказки Пушкина — это мир, в котором море обязательно синее, рыбы и птицы — золотые, девушки— румяные. Это мир детства и первого прикосновения к искусству, хотя бы через коробку с цветными карандашами. Мир, увиденный в первый раз не заплаканными, не прищуренными глазами. Очертания и окраска точно врезаются в глаза. Даль не купается в синей воздушной перспективе, а так же рельефна и пластична, как первый план. Так видели мир наивные гении, художники средних веков, с их пестрой, узорной, запутанной, как сама жизнь, фактурой. И это то же «дикое совершенство», что в песне Мери. Для того, чтобы так видеть, нужен орлиный глазомер. Мы знаем, в какой степени обладал им сам Пушкин. Вот очень показательный пример:

«Кавказ подо мною» — точка зрения дана.

Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Стало быть далеко внизу, в дымной синеве маячит первозданная вулканическая буря, которой от роду миллионы лет, в острых ледяных алмазах сверкают горные кряжи, и, стало быть, еще дальше, еще ниже только угадываются невооруженным глазом зелень отрогов, человеческие пастбища и селения. Но Пушкину отсюда, с заоблачной выси, дано было увидеть всю пленную, рвущуюся к воле природу горной страны, всю вплоть до Терека, который «бьется о берег в вражде бесполезной», весь этот нескончаемый порыв стихии, всю скованную энергетику мировых сил. Но за природой Пушкин увидел такую же пленную, рвущуюся к воле жизнь народа:

Так буйную вольность законы
теснят,
Так дикое племя под властью
тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ
негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

В одной естественно рожденной метафоре далась Пушкину и философия природы Кавказа, и философия его истории. Он вырезал на граните приговор колониальному завоеванию Николая.

Отношением к Пушкину определялось многое в десятилетиях русского девятнадцатого века. Пушкиным измеряли себя, свою молодость, свое отношение к родине и революции — и поэты, и такие люди, как Герцен, и Чернышевский, и просто тысячи читателей. Нам незачем вступать в соревнование ни с каким прошлым. Пушкин наш, только наш — по праву, которое не требует доказательств, по праву первородства нашей культуры, созидательной и народной. Но мы знаем, что Пушкин существовал и существует во времени, и этим он только дороже для нас.

Наша любовь к Пушкину — это любовь к истории родной страны, к ее страстному и мужественному языку, к ее песням и вьюгам, и бодрому октябрьскому холоду, к звенящему зною летних полдней, к рекам и лесам, и дорогам России. Наша любовь к Пушкину — это любовь каждого к собственной работе, это горячка бессонного труда, нетерпение строителей, знающих, что мечта близка к осуществлению, знающих, что всякая смелая мечта осуществится. Наша любовь к Пушкину — это любовь к детям, к их школам и праздникам. Легкой походкой вступают они в жизнь. Пожелаем им счастливой встречи с Пушкиным!

Любовь к Пушкину разнообразна, как вечный поток и смена явлений жизни, как вечный ритм рождения, роста, прибоя новых сил. Любовь к Пушкину решается в каждой биографии по-своему. Всенародное торжество об'единяет эти личные решения в одном безоговорочном порыве: любить Пушкина — это значит следовать за ним.

ПУШКИН НА ЗАПАДЕ

ГАРМОНИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ

АНДРЕ МАЗОН
(профессор в Коллеж де Франс)

Этот поэт стоит на грани двух эпох: атмосфера конца XVIII века сыграла роль в формировании его творческой личности; первая треть XIX века обусловила ее развитие и расцвет. На нем сказались влияния энциклопедистов и первых романтиков — Вольтера и Бомарше, Байрона и Гете. Но при всем этом Пушкин был настолько верен родной почве, что именно он явился лучшим выразителем творческих сил русского народа. Его соотечественники не знают писателя, который был бы более русским, чем он. В его голосе слышатся и гармонично сливаются национальный акцент и иностранные интонации... Его знакомство с Западом не есть результат наблюдений путешественника — часто поверхностных и противоречивых. Оно проникнуто силой воспоминаний, влияний юношеского чтения; оно шло медленным путем; оно глубоко; оно обогатило его сознание, не нарушив душевного равновесия. Пушкин единственный из всех своих соотечественников не допустил конфликта между своей личностью и силой влияний различных культур, достигнув слияния их в одно гармоничное целое. И в языке своем он об'единил силу народного говора, величественность славянского языка, точность, ясность, остроумие, легкость языка французских образцов. Так он создал новое творчество, и мы, смотря на него издалека, со своей точки зрения, видим в нем нового человека, открывшего в своей стране новую эпоху.

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ МИРА

МОРИС БАРИНГ
(английский литературовед)

Ни один русский поэт, может быть, ни один поэт мира не об'единяет в своем творчестве так, как Пушкин, мечту и обыденность. Пушкин всегда реалист, он всегда описывает обыденную жизнь, то, что каждый видел и испытал, и в то же время он эту будничную жизнь претворяет в поэзию, — не потому, что он накидывает на нее покровы фантазии или метафоры, а потому, что он проникает в сущность жизненных фактов и явлений и открывает поэзию в них самих. Все области жизни ему открыты. Он везде у себя дома. Шекспир — человек вселенной, гражданин мира, сын стратфордского торговца кожами становится величайшим драматургом мира; Пушкин, этот петербургский аристократ, этот светский человек, живущий в эпоху реакции Николая I, преобразует русский язык, освобождая его от пут условностей, и открывает миру и самим русским — словами, которые стали их самым драгоценным наследием — поэзию их языка, их природы и окружающей их жизни.

ПРИРОЖДЕННЫЙ ПРОВИДЕЦ

ДЖЕМС КЛЮ
(английский писатель)

Процент англичан, владеющих русским языком, очень невелик. А. Пушкин, как и все великие поэты, от Софокла до Гете, непереводим. Но фигура Пушкина быстро вырастает в связи с ныне все увеличивающимся интересом наиболее передовых слоев населения Англии к России и русским делам.

Хоть сколько-нибудь интересующийся литературой англичанин, несомненно, будет увлечен даже тем, что понаслышке узнает о творчестве Пушкина, и тем, что есть наиболее удачного из переводов в стихах и прозе. Английские критики и комментаторы признают, что Пушкин, великая фигура европейской литературы, обладает качествами, мимо которых лучший тип англичанина не может пройти без чувства, схожего с благоговением.

Величие Пушкина нужно искать в простоте, естественности и точности стиля, вытекающей из живой, страстной и оригинальной мысли. Греки в эпоху своего расцвета, например, Гомер и трагики, всем этим обладали. Это чувствуется также и во французской прозе, от Монтэня до Гюи-де-Мопассана. В Англии это характерно для первоклассных писателей, от великого романиста Фильдинга и величайшего журналиста восемнадцатого века Дефо.

Современные англичане любят искусство глубокое, искреннее, лишенное аффектации. Именно таким художником в первую очередь и является Пушкин. Он был прирожденным провидцем, он произносил свои безупречные фразы, рисовал свои прочувствованные сердцем образы, заставлял звучать свои нежные мелодии с той волшебной непосредственностью ребенка, которая приводит в смущение крупнейших представителей европейской интеллигенции. Им кажется, что это чудо. Ребенок, — восклицают они, — заговорил как бог! О, если бы вся поэзия походила на это.

Нас много в Англии, ныне утомленных умственным изобретательством, искусственными схемами и сомнительными делами как в жизни, так и в искусстве. Мы хотим освободить свой мозг от этих крепостей. Мы хотим той свободы духа, которую с такой полнотой знал и с такой решительностью описал Пушкин. Он — мы чувствуем — стоял бы с нами, как тогда, говоря Николаю I, что был бы с Пестелем и Рылеевым.

Несколько слов тем, кто пожелает ознакомиться с моей книгой[1]. Эта книга ни в каком смысле не касается творчества Пушкина, но только Пушкина как человека, подчеркивая одиночество загнанного в клетку гения, каким он в сущности являлся. За эту характеристику я получил порицание бородатых авторитетов.

[1] Прелюдия к Парнасу. Сцены из жизни Александра Сергеевича Пушкина. Изд. Артура Баркера, 21 Гаррик стрит, Ковент Гарден, Лондон 10/6.

Пушкин в колхозе

Окончание. Начало см. на 6 стр.

из «Евгения Онегина» о ковре-самолете? Няня об этом мечтала. А наш колхозник Александр Алексеевич Безруков стал летчиком и полетел!».

Чем больше говорил Егорычев о предметах, как будто к Пушкину не относящихся, тем яснее нам, что и **он по-новому** прочел Пушкина.

Говоря о современных вещах, Егорычев все время для сравнения **исходил из Пушкина.** Но он брал из него не «точку зрения самого Пушкина на предмет», а самый предмет, каким он лег под пером Пушкина, а этот предмет оказался **жизнью.** Глубина Пушкина — глубина жизни. Новый, молодой, сильный социальным, сильный политическим чувством человек стал читателем Пушкина. И личности колхозника Пушкин открылся полнее. Колхозник воспринял его непосредственнее и он нашел в нем опору и для строительства социализма, и для своего культурного роста. Ясно, что у него и пушкинский текст зазвучал по-другому.

Когда вслед за Егорычевым для разнообразия программы вышли колхозные ребята с чтением стихов, то мы, слушатели, выбор этих стихов уже восприняли критически. Нам невольно показалось, что непрерывное ударенье на «воспрянет грозный», «а вы... у трона», «и на обломках самовластья», т. е. **исключительный** подбор революционных стихов Пушкина, каким занимались наша школа и наше литературоведение чуть ли не двадцать лет, что этот подбор нашему времени уже **недостаточен,** наше время **переросло** его, и нуждается оно в гении поэта, в целом, глубоко, реально и тонко запечатлевшем окружающую его жизнь. Иначе сказать, мы испытали легкое раздраженье на консультантов и желанье услышать в чтении ребятишек и другие «житейские» стихи Пушкина. И настроенье наше раз'яснил и как бы сформулировал третий замечательный доклад на конференции, — Синявина, Петра Ксенофонтовича. Товарищи, — говорил Синявин, —

«Творения Пушкина понятны каждому колхознику. Они положили начало народной русской литературе и стали достоянием всего народа... Вот уже сто лет Пушкин **будит** своим творчеством **энергию,** волю к труду, стремление к знанию, к победе науки над религиозным мракобесием... Мы должны учиться у Пушкина его языку и культуре. Речь у нас еще слабая, товарищи! Мы иной раз так русские слова коверкаем, что в соседнем селе не разберут. Изучение творчества Пушкина принесет нам очень большую пользу... Если кто хочет быть писателем или поэтом, — а в нашем селе есть такие, — он должен учиться пушкинскому стиху, усвоить его красоту и музыкальность. Стихи Пушкина так и просятся на музыку...

Для него не было некрасивых предметов и явлений. Он описывал решительно все, даже и то, что прежде считалось недостойным поэзии. Он говорил, что ему нужны «иные картины». Он описывал **«песчаный косогор», «перед избушкой две рябины», «калитку», «сломанный забор», «на небе серенькие тучки», «перед гумном соломы кучки»,** — то есть предметы и явления, которые **сродни крестьянскому обиходу...».**

Синявин перечисляет, а ваше воображенье уже забегает вперед и подсказывает, как много было такого, мимо чего ваши глаза проходили в чтении как мимо формы, литературного приема, рифмы, — а пришел читать колхозник и **увидел тут не** форму, а существо.

«Печально **сложилась жизнь** у поэта. Но не было у него чувства безнадежности либо отчаяния. В одном из самых мрачных своих стихотворений «Брожу ли я вдоль улиц шумных» он говорил о предчувствии близкой смерти. А рядышком с мрачными строчками прославил красоту и молодость. Пушкин учит нас **любить жизнь, не унывать при препятствиях, бодро смотреть в будущее!».**

Попробуйте сравнить это хотя бы с пресловутыми исследованиями «Медного всадника» Мережковским или с анализом «Пиковой дамы» Гершензоном, где мистически-мрачное, роковое, суеверное, безнадежное смакуется и провозглашается глубиной в Пушкине!

И вот напоследок еще один штрих. Места, где происходила наша конференция, Пушкину не вовсе чужие. Он был в Симбирске, ездил в Оренбург изучать архивы пугачевского бунта, проезжал по сенгилеевской дороге и «может быть проехал мимо наших Кременок». Совсем недавно ульяновская газета «Пролетарский путь» поместила целую полосу «Пушкин в Симбирске», где припоминалось, как поэт первый раз выехал в Оренбург, но дорогу ему перебежал заяц, и суеверный Пушкин велел ямщику повернуть обратно. Колхозники эту газету читали, неоднократно в своих речах ссылались на нее. Но вот один докладчик упомянул о поездке Пушкина в Сенгилей. Дошел до зайца и... промолчал о нем. И другой колхозник заговорил о том же. Запнулся. Поглядел в залу: «Но тут с Пушкиным **случай вышел,** и Александр Сергеевич повернул обратно». Колхозник **постыдился** за Пушкина, что поэт испугался зайца! Он не счел даже приличным упомянуть на публичной конференции о таком незавидном факте в биографии Пушкина!

5

Опыт Кременок — первый из дошедших до нас в подробностях. Обобщать и делать выводы нам еще рано. Но уже некоторые черты — интерес **к реальному** содержанию Пушкина, к **житейской** стороне его произведений, к **прямому,** а не иносказательному их смыслу, интерес к сюжетной, описательной, рассуждающей, непосредственной, а не к темно-буколической и символической стороне его творчества, — этот интерес несомненен. А с ним вместе несомненно и другое: непосредственное чтение Пушкина еще не только возможно, содержание его не только не устарело, но, как мир на заре, оно дает именно сейчас, в наше время, новому читателю чудесные контуры вещей, близких его сердцу, во всей их реальной прелести. И цельный Пушкин, полный Пушкин, стал доступен нам именно только в наше время. Думаешь, сколько еще такой прелести предстоит найти новому человеку в других сокровищах искусства, накопленных для него человечеством! Нужда в «гипотезах» Пушкина отпала. Пушкин, как символист, как метафизик, Пушкин, углубленный мнимыми измерениями наших декадентов, исчез. Пушкин, как автор только «Кинжала», «Деревни», оды «Вольность» (а только на это и обращали внимание совсем недавно многие наши литературоведы), — этот Пушкин, неполный, урезанный, оказался частью огромного целого. Появляется **цельный Пушкин, интересный** Пушкин. Таким читает и чувствует его сын нашего цельного времени, работник социализма.

В. ГОРОДИНСКИЙ

Пушкин и русская музыка

Все искусства обязаны гению Пушкина. Еще никто не дал полной оценки прямым и косвенным влияниям пушкинского творчества на русскую живопись, еще не вполне оценена даже роль Пушкина в искусстве театра. И точно также доныне еще никто не исследовал влияния и роли пушкинской поэзии и прозы в развитии русской музыки. Никто, говорим мы, хотя разрозненные попытки этого рода делались не один раз.

Между тем, на протяжении целого столетия влияния Пушкина были решающими в развитии русской музыки. Можно сказать, что русская музыка, так же, как русская литература, в течение столетия имеют один и тот же великий источник, и этим источником является творчество Пушкина.

Роль Пушкина в русской музыке не может быть сравнена со значением ни одного из гениев мировой литературы по отношению к музыке своей страны. В этом смысле он величайший и единственный из поэтов всего мира.

Гете и Шиллер оказали огромное влияние на развитие германской музыки, но не они определили ее пути. К тому же их влияние было ограничено сферой романса и песни. Отчасти симфонии. Романсы и песни Шуберта, Шумана, Вольфа, даже Листа были проникнуты духом гетевской, шиллеровской, а затем гейновской поэзии, но немецкая опера, достигнувшая наивысшей точки своего цветения в творчестве Вагнера, уже далеко отклонилась от этих путей.

И в итальянской музыке мы не можем назвать поэта, влияние которого было бы так могущественно, как влияние Пушкина в русской музыке. Влияние великих итальянских поэтов (Данте, Ариосто, Петрарки), в известной мере определило начальные этапы итальянской оперы, и оно вполне ощутительно в творчестве Пери, Каччини, великого Клаудио Монтеверде и некоторых других. Но в дальнейшем уже начинается неразделное царство либреттистов, и итальянские поэты влияют на музыку больших форм только через посредство песни. Мы не можем в итальянской музыке выделить период, о котором можно было бы сказать, что это время Петрарки или Тассо. Что же касается нового времени, то ни Леопарди, ни Альфиери не оставили в итальянской музыке сколько-нибудь значительного наследия. Лучшие оперы итальянских композиторов XIX века, в том числе Верди, используют сюжеты французских, немецких, английских писателей, и творчество итальянских поэтов занимает в музыке этих композиторов лишь самое незначительное место. В итальянской, так же как и французской музыке, своего Пушкина не было.

Мы могли бы обследовать музыку всего мира и все-таки не нашли бы ни одного случая, когда музыкальное искусство на протяжении целого столетия росло и развивалось под прямым влиянием одного великого поэта. Такой единственной в своем роде музыкой является русская музыка и таким единственным в своем роде поэтом является А. С. Пушкин.

Нам могут возразить, что ведь это относится лишь к музыке вокальной, связанной с живым словом, но не имеет ни малейшего отношения к инструментальной музыке. Это абсолютно неправильно.

Прежде всего вокальная и инструментальная музыка не отделены друг от друга никакими крепостными стенами. Напротив, испокон веков инструментальная и вокальная музыка связаны между собой, а в новейшее время переплетаются друг с другом до полного исчезновения каких-либо границ. С тех пор, как Бетховен в IX симфонии ввел хор и ансамбль солистов-певцов, симфония превратилась в инструментально-вокальную форму музыки. Но даже если бы этого не произошло, музыка остается музыкой, исполняется ли она человеческим голосом или музыкальным инструментом. К тому же хорошо известно, как велики посредствующие влияния вокальной музыки на инструментальную. Чайковский был прав, утверждая, что в «Камаринской» Глинки как «дуб в желуде» заключена вся будущая русская симфоническая музыка. Но он с еще большим основанием мог бы сказать, что в опере «Руслан и Людмила» уже заключались элементы всего последующего развития русской музыкальной культуры, включая сюда и творчество самого Чайковского.

Для того, чтобы установить значение поэзии Пушкина для русской музыки, нет надобности заниматься арифметическими подсчетами. Дело не в том, что свыше тысячи больших и малых музыкальных произведений написано на тексты Пушкина. Пушкинская поэзия подобно магниту притягивает к себе всех, кто прикасается к ней.

Дело не в количестве произведений на тексты Пушкина, а в той роли, какую играют эти произведения в развитии русской музыки.

За малыми исключениями, все, что есть в русской оперной музыке истинно прекрасного и гениального, связано с творчеством Пушкина. Мы предвидим возражения. Как же так? А «Князь Игорь» Бородина, «Псковитянка» и «Вера Шелога», «Снегурочка» Римского-Корсакова и еще ряд опер, написанных на тексты других поэтов? Но, во-первых, никто и не утверждает, что связи русской музыки с русской поэзией ограничиваются Пушкиным. А, во-вторых, те оперы, значение которых очень велико, проникнуты духом пушкинской поэзии и тогда, когда они написаны на тексты других поэтов. Советский музыковед В. Н. Хубов в своей монографии о Бородине совершенно правильно утверждает, что «Игорь» — это величайший этап развития той линии русского оперного творчества, которая ведет свое начало от «Руслана». Действительно, тут все, в том числе знаменитый «синтез» русского и восточного элемента, имеет свой прообраз в великом произведении М. Глинки. Влияние «Руслана и Людмилы» на «Князя Игоря» можно проследить до мельчайших деталей. Но никто не может оспаривать, что «Руслан» опера пушкинская в самом полном смысле этого слова, и разве мыслимо отвергать, что князь Галицкий ведет свое происхождение прямо от пушкинского и глинкинского Фарлафа, что образ князя Игоря в гораздо меньшей степени навеян портретом исторического путивльского князя, нежели музыкальным образом все того же Руслана. И, наконец, гениальный «Половецкий стан» из той же оперы Бородина и все вообще восточные элементы этого произведения в своей изобразительности восходят непосредственно уже не только к Глинке, но и прямо к Пушкину, и не только к «Руслану и Людмиле», но и к «Кавказскому пленнику», а может быть и «Бахчисарайскому фонтану».

Замечательный русский художественный критик В. В. Стасов пророчил, что когда-нибудь Россия станет такой, какой хотели видеть ее лучшие из русских людей, «и жадно прильнет тогда Россия к Глинке». Что же, разве не наступило это время и разве не время уже нам прильнуть к Глинке, величайшему из гениев русской музыкальной культуры, чья слава должна быть столь же велика, как слава Бетховена и Моцарта. Но, позвольте, скажут нам, ведь вы пишете о Пушкине в музыке, почему же вы все время говорите о Глинке? Ведь Глинка не Пушкин! Конечно, нет. Ни Глинка, ни другой русский композитор не могут претендовать на равенство с Пушкиным. Но мы вправе судить о величии художника по степени его приближения к пушкинскому гению. И если с этой точки зрения оценивать русских композиторов, то именно Глинка явился основоположником пушкинской традиции в русской музыке. В своих романсах и песнях на тексты Пушкина он осуществил требования великих музыкальных мыслителей Дидро и Глюка и добился полного слияния музыки и текста. И, наконец, в опере «Руслан и Людмила» Глинка положил основание русской оперной и симфонической музыке, провозгласив тот идеал музыкальной поэзии, которому следовало и еще долго будет следовать русское музыкальное искусство. Этот идеал был заложен в творчестве Пушкина.

Еще во времена Стасова находились умники, сомневавшиеся в близости «Руслана» Глинки к творению Пушкина. Неутомимый ратоборец русской музыки Стасов высмеял их, и они умолкли. К сожалению не надолго.

Музыка «Руслана» впитала в себя соки поэзии Пушкина, и она зависит не от либретто, а от самой поэмы. Это подтверждается и тем, что в лучших своих местах опера была написана без всякого либретто, и слова подписывались под готовую уже музыку. Истинным либретто Глинки была поэма Пушкина.

Офранцуженные великосветские болваны ровным счетом ничего не поняли, в этой, по их словам, «operá manque» (неудачной опере). Но мы-то знаем, что в этой опере впервые в богатырских масштабах и с богатырской силой проявилась художественная натура великого народа.

Безграничное могущество пушкинского стиха перелилось здесь в музыкальные формы столь безупречные, столь совершенные, что сама музыка, кажется, говорит здесь своим дивным языком.

Известный музыкальный критик прошлого столетия Ларош считал, что музыка «Руслана», даже там, где она «изображает народность не русскую, и изображает ее в совершенстве, не перестает быть музыкой вполне русской».

Но ведь это замечательное свойство поэзии самого Пушкина, и это находится в точном соответствии с принципами народности искусства, которые развивал Пушкин в своих статьях.

Ларош называл Глинку «Пушкиным в музыке». Здесь он был неправ. Кроме самого Пушкина, никакого особого «Пушкина в музыке» никогда не было. Но Глинка был гениальным проводником художественных идей Пушкина в русской музыке, и в этом великое его значение.

Определив место Глинки в русской музыке, уже нетрудно проследить влияние Пушкина на все последующее развитие нашей музыкальной культуры.

Уже начиная с Даргомыжского на сцену появляется русский музыкальный реализм, как оформившееся течение в искусстве. К Пушкину Даргомыжский обратился уже с раннего периода своего творчества в одноактной опере-балете «Торжество Вакха». Как композитор-пушкинист (именно так можно его назвать) Даргомыжский выступил впервые с оперой «Русалка». В этом произведении, несмотря на обилие в нем традиционных французских и итальянских элементов, уже в полной мере отражены свойства пушкинской драматической поэзии. Превосходные диалоги-дуэты, речитативы в ансамблях уже предвещают то великое и по сей день еще неоцененное произведение Даргомыжского, имя которому опера «Каменный гость». Даргомыжский страстный поборник реализма в музыке, стремясь к созданию музыки предельно выразительной и правдивой, обратился опять-таки к Пушкину. «Каменный гость» написана на одноименное сочинение Пушкина, причем текст пьесы сохранен без всяких изменений.

«Каменный гость» Даргомыжского занимает совсем особое место в мировой музыкальной литературе. По существу здесь Даргомыжский (в конце 60-х годов) пошел гораздо дальше всех других реформаторов музыкального искусства. Мы попытаемся выяснить, что толкнуло Даргомыжского свой отважный эксперимент совершить именно на материале Пушкина.

Здесь с наибольшей ясностью проявляется та сторона творчества Пушкина, что несомненно привлекала и привлекает к нему внимание композиторов. Это поразительная музыкальность стихов Пушкина. Целиком декламационная опера Даргомыжского могла быть построена на этом материале, потому что «Каменный гость» Пушкина сам по себе является музыкальным произведением, которое остается лишь интонировать и оркестровать для того, чтобы получилась опера. Это не случайное явление в творчестве Пушкина, и оно совершенно опрокидывает распространенное представление о том, что Пушкин плохо и мало знал музыку.

Вопрос о музыкальных интересах и вкусах Пушкина — тема особая, но мы коснемся ее в связи с двумя драматическими произведениями поэта — «Каменным гостем» и «Моцартом и Сальери». Характерно, что обе эти пьесы были превращены в речитативные оперы, и «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова является единственным пока продолжением опыта Даргомыжского, опыта, оказавшего весьма значительное влияние на технику речитатива всех последующих русских оперных произведений.

Вовсе не случайно то обстоятельство, что обе эти пьесы связаны с творчеством Моцарта. Недаром эпиграфом к «Каменному гостю» Пушкин избрал слова Лепорелло из оперы Моцарта «Дон-Жуан». Невозможно представить себе, что Пушкина увлекало либретто аббата Де-Понте, поэта второстепенного во всех отношениях. Впрочем, достаточно вслушаться в речитации Дон Гуана и Лепорелло, чтобы понять откуда ведет свое происхождение «Каменный гость». **Если Даргомыжский положил на музыку стихи Пушкина, то Пушкин гениальным образом переложил в стихи музыку Моцарта.** Это не может ни в какой мере удивить музыканта. Ведь мы знаем о глубочайшем уважении, которое питал Пушкин к Моцарту. Известно, что версия от отравлении Моцарта композитором Сальери—неосновательна. Пушкин, когда писал свою драму, знал, что Сальери в действительности не отравлял Моцарта, но тем замечательнее его слова «завистник, который мог освистать «Дон-Жуана», мог отравить его творца». Только человек, страстно любящий, глубоко чувствующий и понимающий музыку, мог сказать так. В творчестве Пушкина мы найдем и еще немало доказательств этого, но, повторяем, — это особая тема и мельком ее касаться нельзя. Заметим лишь, что музыкальность Пушкина была превосходно об'яснена Чайковским в письме к фон Мекк (3.VII—1877 г.), где он пишет, что Пушкин «...силою гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в бесконечную стихию музыки. Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в самом стихе, в его звуковой последовательности есть что-то проникающее в самую глубь души. Это что-то и есть музыка».

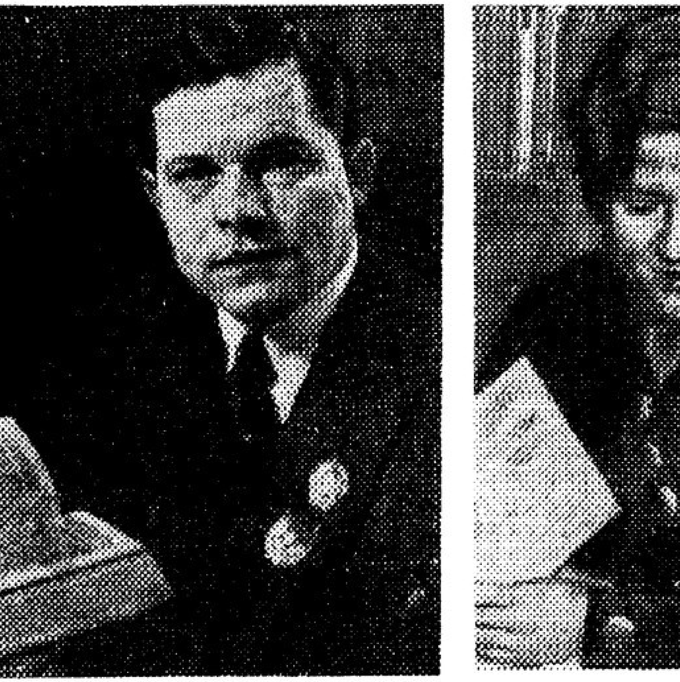
Пушкинское наследие в музыке необозримо велико и охватывает самые разнообразные стороны музыкального творчества. Можно сказать, что «могучая кучка» опиралась на творчество Пушкина, ибо ведь невозможно себе представить Мусоргского без гениального «Бориса Годунова»—произведения пушкинского от первой до последней ноты, так же как немыслимо думать о Римском-Корсакове без «Сказки о царе Салтане» и без «Золотого петушка». Что касается Чайковского, то его оперное творчество сплошь (за исключением «Иоланты» и «Орлеанской девы», занимающих второстепенное место в его творчестве) обращено к пушкинским сюжетам. Не считая «Мазепы», произведения во многих отношениях замечательного, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» составляют истинную гордость русского оперного искусства и вряд-ли имеют равных себе в мировой музыкальной литературе.

За неимением места мы вынуждены оставить в стороне огромную область романса и песни на тексты Пушкина, а также — вопрос о пушкинских мотивах в симфонической и камерно-инструментальной музыке. Скажем одно: если из сокровищницы русского романса из'ять все написанное на пушкинские темы и тексты, она утратит три четверти своего значения. Надо знать, между тем, что романсы Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина во многих случаях стоят выше романсов Шуберта и Шумана. Из пушкинских же романсов достаточно вспомнить хотя бы «Я помню чудное мгновение» или «Мэри» Глинки, либо же «Для берегов отчизны дальной» Бородина, чтобы увидеть, какие драгоценности заключены в этой сокровищнице. Ведь один романс Бородина «Для берегов отчизны дальной» стоит полного собрания сочинений иного композитора с пудовыми оперными клавирами и симфоническими циклами. Ибо это настоящая жемчужина мелоса и гармонии, осененная гением пушкинской поэзии.

Советская музыкальная культура является единственной наследницей всех этих богатств И сегодня, в дни столетия со дня смерти великого поэта, мы вновь обращаемся к творчеству Пушкина. Еще не все мелодии спеты и не все гармонии отзвучали. Поэзия Пушкина — вот источник животворящий и неисчерпаемый

...не зарастет народная тропа

И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык...

Я. Н. МОИСЕЕВ

Заслуженный летчик-испытатель, награжденный орденом Ленина и четырьмя орденами Красного знамени.

Я родился в станице Морозовской (ныне Азово-Черноморский край) в семье донского казака. Там, в привольных донских степях, прошло мое детство, там же, будучи учеником сельской приходской школы, я впервые познакомился с поэзией Пушкина. Встреча эта запомнилась на всю жизнь: прекрасные звучные строки поэта врезались в память. Я крепко помню их.

Эта, возникшая в раннем детстве, любовь к поэзии Пушкина с течением времени росла все больше и больше. Я читаю и перечитываю поэта — и каждый раз нахожу в нем какие-то новые доселе неизвестные мне черты, возвышающие и вдохновляющие меня.

Пушкин — самый близкий, самый дорогой мне писатель. Я люблю его за глубину и чистоту его идей, за его хороший русский язык, за его гениальную способность в немногих скупых словах дать яркий запоминающийся образ.

Пушкин — великий русский поэт. Мое сердце невольно наполняется гордостью при мысли, что я также принадлежу к этому великому талантливому народу, народу, выдвинувшему из своей среды такого богатыря мировой литературы, такого гения, как Пушкин.

ЭЛИТ ВИЛЬКЕ

Сотрудница финской библиотеки в Ленинграде.

Однажды — это было уже в пятом классе — учитель принес русскую книгу и сказал, что будет читать произведение Александра Пушкина, которое называется «Евгений Онегин».

Учитель читал весь урок. Мы слушали стихи, они звучали, как музыка, но содержания слов мы не разбирали. Я попробовала было найти «Евгения Онегина» в финском переводе, но поиски оказались тщетными. Не было такого перевода.

Прошли года.

Давно я окончила школу, изучила русский язык, начала работать в библиотеке. Пушкин стал моим «старым знакомым» — я люблю гениальные произведения великого русского поэта и часто перечитываю их. Но не о себе мне хочется говорить сегодня.

С тех пор, как я внесла в каталог нашей библиотеки переведенные на финский язык книги Пушкина, а у нас сейчас тридцать экземпляров таких книг, ни одного дня они не простоят на полках. Почти нет читательского формуляра, на котором не значилось бы имени Пушкина.

От имени финских читателей я прошу финских поэтов и переводчиков:

— Побольше переводите Пушкина.

Многолюдный и оживленный пушкинский вечер, недавно устроенный в Финском Домпросвете, показал, что мы, финны, знаем и любим великого Пушкина.

НИКУ БОРИСОВ

Эвенки (тунгус). Студент Института народов Севера

Шесть лет назад в кооперации, у моего товарища, я увидел книгу.

— Это эвенкийский словарь, — сказал мне товарищ.

В тот год наш народ впервые получил свою письменность. А в 1932 году меня командировали в Институт народов Севера, и стал я первым грамотным человеком в нашем роду.

Одной из первых русских книг, прочтенных мною, была «Сказка о царе Салтане». Я помню много сказок, рассказанных нашими стариками. Но эта книга поразила меня; я, только узнавший русский язык, легко читал звонкие строки русских стихов, я увидел все рассказанное в ней как живое.

Мне сказали, что «Сказку о царе Салтане» написал Пушкин.

Это имя врезалось в мою память, и стал я любить Пушкина и читать его книги.

Вот лежит передо мною новенькая книга на эвенкийском языке. Я читаю название — «А. Пушкин. Станционный смотритель».

Большое счастье доставила нам, эвенкам, эта книга.

Я знаю, что сто лет назад Пушкин предвещал: назовут его имя все народы, назовем и мы, тогда еще «дикие тунгусы». Счастлив я, что в Советской стране сбылось то, о чем предвещал великий русский поэт.

Пушкина назвал не только я, студент Института, его назовет всякий тунгус.

Сестры учатся в школе Туда, в колхоз «Эвенки», привезут книги Пушкина на тунгусском языке.

Б. Э. ХОРАДАЕВ

Студент Калмыцкой театральной мастерской при Государственном институте театрального искусства в Москве

Шесть лет назад в школе, изучая русский язык, я впервые познакомился с произведениями А. С. Пушкина. Одним из первых стихотворений, которые я прочитал, было «Кавказ». Может быть оттого, что я житель равнинной степи и никогда не видел гор, величественные пушкинские строфы меня буквально потрясли.

После я прочитал на русском и на калмыкском языках «Деревню», «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву», «Памятник», прозу Пушкина и многое другое.

У нас переводят Пушкина на калмыкский язык — талантливый поэт Кара Манджиев, писатель Сян-Бельгин, переведший поэму «Руслан и Людмила», молодой поэт Костя Эренджиев и другие поэты и писатели.

В своих скитаниях поэт проезжал и по Калмыцкой степи. Он знал наш народ. «Прощай, любезная калмычка...» — писал он в стихотворении «Калмычка», проникнутом горячим лирическим чувством.

То, о чем пророчески писал Пушкин в своем «Памятнике», сбылось... Пушкина читают и изучают все многочисленные народы Советского Союза. И я — калмык, сын батрака, бывший пастух, неоднократно перечитывая теперь гениальные творения поэта, ощущаю его своим близким товарищем.

Калмык — «друг степей». Бессмертный Пушкин — великий друг калмыкского народа.

■ ■ ■

Обелиск на месте дуэли

На этой поляне у Черной речки сто лет назад, в такой же ветреный день, как сегодня, в глубоком снегу была прорыта узкая тропинка, и, скинув шинели, секунданты обозначили барьер. В двадцати шагах друг от друга стояли великий русский поэт и николаевский гвардеец, исполнявший кровавую волю самодержавия. На этой поляне Дантес направил пистолет на Пушкина, и смертельно раненный поэт своей кровью обагрил снег.

Сегодня минуло столетие, и на этом месте собрались рабочие Ленинграда, писатели, ученые, художники, артисты.

В глубоком безмолвии зазвучала и стихла траурная музыка. У памятника, воздвигнутого сейчас на месте дуэли, открывается траурный митинг.

О великой славе Пушкина, бессмертное имя которого радостно называют народы социалистической страны, говорит товарищ Рафаил — представитель областного пушкинского комитета.

От имени ленинградских писателей выступает поэт Саянов.

— На этом месте, — говорит проф. Гуковский, — пал Пушкин, всю жизнь боровшийся с самодержавием. Эта борьба закончилась гибелью Пушкина, но Пушкин победил после своей смерти. Мы счастливы жить на свободной земле нашей социалистической родины, народы которой ставят памятники поэту не только на улицах и площадях, но и в сознании миллионов людей.

От имени Пушкинского общества взволнованную речь произнес рабочий завода Электроприбор т. Жлан.

— Имя Пушкина, — сказал он, — мы пронесли сквозь две революции, сквозь гражданскую войну, мы завоевали это имя своей кровью. Пушкин живет и будет жить среди нас.

Митинг окончен.

Писатель Лавренев дергает шнур, и полотнище, закрывающее памятник, сползает.

Мы видим гранитный обелиск с бронзовым барельефом Пушкина. На обелиске надпись: «Место дуэли А. С. Пушкина 26/V — 1799 — 29/I — 1837.» С другой стороны: «Сооружен в 1937 году».

Пленум правления ССП

Четвертый пленум правления союза советских писателей СССР, который в значительной своей части будет посвящен творчеству великого русского поэта А. С. Пушкина, откроется **20** февраля в Колонном зале Дома союзов.

С докладами выступят А. С. Бубнов «О творчестве Пушкина», Н. Тихонов — «Пушкин и советская поэзия», Ю. Тынянов — «Проза Пушкина» и И. Альтман — «Драматургия Пушкина».

Второй вопрос повестки дня пленума — «О подготовке советской литературы к двадцатилетию Великой пролетарской революции». Докладчик — В Ставский

В. НЕЙШТАДТ

НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

Стремление познакомиться с произведениями Пушкина и перевести их на свой родной язык издавна существовало у народов, населяющих территорию бывшей Российской империи, а ныне свободного Советского Союза. Еще при жизни Пушкина был сделан ряд переводов его произведений на языки украинский, армянский и молдавский. Однако из этих переводов в печать проникли тогда же лишь три украинских: в 1830 году в «Вестнике Европы» появился перевод «Шотландской песни», сделанный Боровиковским; в 1831 году Шпигоцкий опубликовал в «Украинском альманахе» отрывок из «Полтавы»; в 1836 году Гребенка выпустил свой вольный перевод «Полтавы», два отрывка из которого он до этого опубликовал в «Московском телеграфе» в 1831 году.

Грузинские переводы Теймураза, Размадзе, Г. Орбелиани (лирика и отрывки из «Братьев-разбойников» и «Евгения Онегина»), армянские переводы Н. Эмина («Бахчисарайский фонтан»; «Кавказский пленник»), молдавский перевод Донича («Цыганы») — все, сделанные до 1835 года, так и не появились при жизни Пушкина. Лишь части из них суждено было увидеть свет, спустя несколько десятилетий.

Пушкин не был известен ни в подлиннике, ни в переводах большинству народов, населявших бывшую царскую Россию.

Поистине царское правительство скрыло Пушкина от широких масс, населявших страну. А что великий поэт мог и должен был стать близким трудящемуся народу независимо от национальности, доказывается хотя бы тем, что казахский народ, в массе своей лишенный письменности при царской власти, сумел все же усвоить некоторые произведения Пушкина путем **устной традиции.** В 70-х годах певец Асет и поэт Азай переложили на казахский язык «Евгения Онегина», их переложения были разнесены народными певцами и стали народным достоянием.

За 80 лет (с 1835 по 1916 г.) появилось всего около 25 отдельных изданий некоторых произведений Пушкина на 8 языках: украинском (4), тюркском (2), армянском (5), грузинском (1), еврейском (1), крымско-татарском (1) и татарском (9). Если же подсчитать все переводы (вплоть до отдельных стихотворений), появившиеся за это время в скудной периодической печати, или в школьных учебниках, или в нескольких переводных антологиях русской поэзии, или, наконец, в сборниках национальных авторов, то такая библиография составила бы всего около 125 номеров. Еще хуже обстояло дело со статьями, посвященными жизни и творчеству великого русского поэта: их не насчитаешь и десятка.

Великая социалистическая революция создала все условия для расцвета национальных культур, приобщила к письменности десятки новых народностей. И широким потоком полились пушкинские издания, захватывая все большее и большее число языков. На 52 языках народов СССР звучат уже ныне бессмертные творения Пушкина, и каждый день приносит сообщения о вновь появившихся, о появляющихся, о готовящихся изданиях. Сейчас библиограф пушкинских изданий находится в очень трудном положении: цифры, установленные им на сегодня, на завтра могут уже оказаться устаревшими.

До конца 1936 года мы имели, во всяком случае, около 250 отдельных изданий пушкинских произведений. Если же учитывать переводы, появившиеся в периодической прессе, в учебниках, в антологиях и т. д., то мы насчитаем уже около 500 номеров. Необычайно, сказочно выросла также литература о Пушкине на языках народов СССР. Она насчитывает уже внушительную цифру — около 700 названий (основная масса статей падает, конечно, на периодику).

Неизмеримо выросло и качество переводов, хотя в этом отношении предстоит еще не малая работа.

Пушкин явился создателем русского литературного языка, основоположником русской реалистической литературы. Пушкин явился в то же время обогатителем всей европейской литературы, хотя эта литература и до него уже достигла высоких форм совершенства. Естественно, что такого рода обогатителем должен явиться Пушкин и для литератур многочисленных народов Советского Союза. Мы уже видим тому примеры. Первые переводы прозы Пушкина на казахский язык, появившиеся несколько лет назад, были сделаны стихами («Дубровский» и «Метель»). Это было очень странно на первый взгляд, но об'яснялось тем обстоятельством, что прозаическая форма вообще была чужда казахской литературе. Казахскому писателю было, во-первых, легче переводить стихами (песенным складом), а, во-вторых, такой перевод легче усваивался со слуха народом и скорее распространялся в массах. Совершенно очевидно, однако, что удовлетвориться такой формой перевода прозы Пушкина было нельзя. Тогда была развернута работа специально над художественными прозаическими переводами пушкинской прозы. А это и значит, что Пушкин способствовал обогащению казахской литературы художественной прозаической формой.

Только в общении между собой заложены элементы дальнейшего роста всех советских литератур. Мы учимся друг у друга, но все мы вместе учимся и должны учиться у великого Пушкина. И разве не достижением украинской, или белорусской, или грузинской, или еврейской литературы являются те блестящие переводы из Пушкина, которые появились на этих языках за последнее время

Пушкинская сессия Академии наук СССР

13 февраля в Колонном зале Дома союзов откроется первая пушкинская сессия Академии наук СССР.

Сессия заслушает одиннадцать докладов о Пушкине, которым будут предшествовать вступительное слово президента Академии наук СССР академика В. Л. Комарова и доклад народного комиссара по просвещению А. С. Бубнова.

— Академия наук, — сказал нашему сотруднику академик-секретарь Отделения общественных наук А. М. Деборин, — чествует Пушкина не только как гениального русского поэта, творчество которого близко и понятно миллионам трудящихся страны социализма, но и как своего бывшего действительного члена.

В свое время в России одновременно существовали императорская Академия Наук и императорская российская академия.

Последняя имела своей задачей разработку научных проблем языка и литературы. В 1833 году Пушкин был избран действительным членом этой Академии.

В 1841 году обе академии были слиты в одну императорскую Академию наук, которая после Великой пролетарской революции преобразована в Академию наук СССР.

Конференция Института Литературы

ЛЕНИНГРАД (**по телефону от наш. корр.**). Институт литературы Академии наук СССР отметил столетие со дня гибели Пушкина большой пушкинской конференцией, продолжавшейся три дня. Конференция открылась 7 февраля, в большом конференц-зале ленинградских учреждений Академии наук. Наряду с академиками, профессорами, научными сотрудниками, в зале — студенты вузов, командиры и красноармейцы РККА, библиотекари и пр.

Конференцию открыл академик А. С. Орлов.

За три дня конференция заслушала доклады: В. А. Десницкого—«Пушкин — родоначальник новой русской литературы», академика А. С. Орлова — «Пушкин — создатель русского литературного языка», В. М. Жирмунского — «Пушкин и мировая литература», М. Алексеева — «Пушкин на Западе», К. Азадовского — «Пушкин и фольклор», Н. Г. Свирина — «Пушкин и фольклор народов СССР», С. Д. Балухатого — «Пушкин и Горький» и Н. К. Пиксанова — «Итоги изучения Пушкина за советский период».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-64-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 468-18 и 551-69.

Упол. Главлита В—26108. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.